

Constanze Wünscher

Das *Corpus Tibullianum* in Russland.
Zur produktiven Rezeption der römischen Liebeselegie
in der russischen Lyrik zu Beginn des 19. Jahrhunderts

– Textanhang –

Textanhang

Die in der Studie untersuchten russischen Hypertexte aus der produktiven Rezeption des *Corpus Tibullianum* der Zeit von 1794 bis 1831 und die Hypertexte von Fet von 1847 und 1886 sind hier nummeriert und in chronologischer Reihenfolge nachzulesen. Als Textgrundlage wurde für diese Abschrift die jeweils älteste zugängliche Publikation der literarischen Übersetzungen verwendet. Daher ist die Orthographie stellenweise nicht mehr die heute aktuelle, zum Teil sind auch die Editionen fehler- oder lückenhaft. Jene Gedichte, die durch eine Reminiszenz oder Allusion auf das *Corpus Tibullianum* Bezug nehmen, wurden meist aus Werkausgaben des 20. Jahrhunderts zitiert. Alle Texte wurden zur besseren Orientierung um linksseitige Verszählung ergänzt, nur bei Fets Hypertext der Elegie I,1 ist die Verszählung auch in der Ausgabe vorhanden.

1.	Dmitriev, Ivan I.	5
	<i>Čužoj tolk</i> (1794).....	5
	<i>Podražanie Pervoj Tibullovoj élegii. (*)</i> (1795).....	9
2.	Žukovskij, Vasilij A.	14
	<i>K Tibullu. Na prošedšij vek</i> (1800)	14
3.	Anonymus.....	16
	<i>Vtoraja élegija Tibulla. (Perevod s Latinskago.)</i> (1805).....	16
4.	Anastasevič, Vasilij G.	19
	<i>Ėlegija I. Albija Tibulla.</i> (1806).....	19
5.	Anonymus.....	23
	<i>Per'vaja Ėlegija Tibulla.</i> (1806).....	23
6.	N. N.	27
	<i>Stichi. Podražanie Tibullu.</i> (1806).....	27
7.	Blank, Boris K.	29
	<i>Podražanie pervoj Tibullovoj élegii.</i> (1808).....	29
8.	Batjuškov, Konstantin N.	34
	<i>Tibullova Ėlegija. IIIja iz IIIj knigi.</i> (1809)	34
	<i>XI Tibullova Ėlegija iz I knigi. (Vol'nyj perevod.)</i> (1810).....	35
	<i>Ėlizij</i> (1810).....	38
9.	Dmitriev, Ivan I.	40
	<i>Trissotin i Vadius</i> (1810).....	40
10.	Milonov, Michail V.	45

	<i>K Neere (Podražanie tret'ej Tibullovej Ėlegii.)</i> (1812).....	45
	<i>Vesna Tibulla</i> (1812).....	46
11.	Batjuškov, Konstantin N.	48
	<i>Ėlegija iz Tibulla. (Vol'nyj perevod.)</i> (1814).....	48
	<i>Poslednjaja vesna</i> (1815).....	52
12.	Goleniščev-Kutuzov, Pavel I.	54
	<i>Tretija Ėlegija Tibulla.</i> (1815).....	54
13.	Vjazemskij, Petr A.....	58
	<i>K podruge</i> (1815).....	58
	„ <i>Veselyj šum, pen'ë i smeči...</i> “ (1815).....	63
14.	Puškin, Aleksandr S.....	66
	<i>Delia</i> (1814-1816).....	66
	<i>Batjuškovu</i> (1815).....	66
	<i>K Delii</i> (1815/16).....	68
	„ <i>Ljubov' odna – vesel'e žizni chladnoj...</i> “ (1816).....	68
	<i>Š<iško>vu</i> (1816).....	70
15.	Vjazemskij, Petr A.....	72
	<i>K Batjuškovu</i> (1816).....	72
16.	Mežakov, Pavel A.	78
	<i>Ėlegija. Podražanie Tibullu.</i> (1817).....	78
17.	Olin, Valer'jan N.	82
	<i>Tibullova Ėlegija. (Vol'nyj perevod.)</i> (1818).....	82
18.	Tolstoj, Jakov N.....	84
	<i>Tibullova Ėlegija. Iz I-j knigi, vol'nyj perevod.</i> (1818).....	84
19.	Ryleev, Kondratij F.	88
	<i>Toska</i> (zw. 1818 und 1820).....	88
	<i>K Delii. (Podražanie Tibullu.)</i> (1820).....	91
	<i>K Delii</i> (1820).....	92
	<i>Žestokoj</i> (1821).....	93
20.	Panaev, Vladimir I.	95
	„ <i>Ty govoriš', Kal'purnyj milyj, ...</i> “ (1821).....	95
21.	Vjazemskij, Petr A.....	96
	<i>Biblioteka</i> (zw. 1821 und 1826).....	96
22.	Boratynskij, Evgenij A.	101

	„Čtob'' očarovyvat' serdca,..“ (1821)	101
	„Ja bezrazsuden'' – i ne divo!..“ (1821/22)	102
	„Začem, o Delija! Serdca mladyya, ty...“ (1822)	104
23.	Del'vig, Anton A.	106
	<i>K ptičke, vypuščennoj na volju</i> (1823)	106
24.	Kjuchel'beker, Vil'gel'm K.	107
	<i>Zakup</i> (1823)	107
25.	Puškin, Aleksandr S.	109
	<i>Evgenij Onegin. Roman in Versen.</i> (1825, Auszug mit Nennung Tibulls gemäß der früheren Version)	109
	<i>K **</i> (1826)	109
26.	Merzljakov, Aleksej F.	111
	<i>K Delii.</i> (1826)	111
	<i>Osvjaščenie polej.</i> (1826).....	115
27.	L.	118
	<i>Tibullova èlegija (*)</i> . (1827)	118
28.	Kireev, Aleksandr D.	123
	<i>K Neèere.</i> (1829).....	123
29.	Lermontov, Michail Ju.	125
	<i>K Neèere</i> (1831).....	125
30.	Fet, Afanasij A.	126
	„ <i>Pitomec radosti, pokornyj naslažden'ju ...</i> “ (1847).....	126
	<i>3 (I,1). Delija. Venok Èlegij.</i> (1886).....	127
Alphabetisches Verzeichnis der Primärquellen.....		131

1. Dmitriev, Ivan I.

Čužoj tolk (1794)

Чужой толк

- «Что за диковинка? лет двадцать уж прошло,
Как мы, напрягши ум, наморщивши чело,
Со всеусердием всё оды пишем, пишем,
А ни себе, ни им похвал нигде не слышим!
- 5 Ужели выдал Феб свой именной указ,
Чтоб не дерзал никто надеяться из нас
Быть Флакку, Рамлеру и их собратьи равным
И столько ж, как они, во песнопеньи славным?
Как думаешь?.. Вчера случилось мне сличать
- 10 И их и нашу песнь: в их... нечего читать!
Листочек, много три, а любо, как читаешь —
Не знаю, как-то сам как будто бы летаешь!
Судя по краткости, уверен, что они
Писали их резвясь, а не четыре дни;
- 15 То как бы нам не быть еще и их счастливей,
Когда мы во сто раз прилежней, терпеливей?
Ведь наш начнет писать, то все забавы прочь!
Над парюю стихов просиживает ночь,
Потеет, думает, чертит и жжет бумагу;
- 20 А иногда берет такую он отвагу,
Что целый год сидит над одою одной!
И подлинно уж весь приложит разум свой!
Уж прямо самая торжественная ода!
Я не могу сказать, какого это рода,
- 25 Но очень полная, иная в двести строф!
Судите ж, сколько тут хороших есть стишков!
К тому ж, и в правилах: сперва прочтешь вступленье,
Тут предложение, а там и заключение —
Точь-в-точь как говорят учены по церквам!

30 Со всем тем нет читать охоты, вижу сам.
Возьму ли, например, я оды на победы,
Как покорили Крым, как в море гибли шведы;
Все тут подробности сраженья нахожу,
Где было, как, когда, — короче я скажу:
35 В стихах реляция! прекрасно!.. а зеваю!
Я, бросивши ее, другую раскрываю,
На праздник иль на что подобное тому:
Тут найдешь то, чего б нехитрому уму
Не выдумать и ввек: *зари багряны персты,*
40 *И райский крин, и Феб, и небеса отверсты!*
Так громко, высоко!.. а нет, не веселит,
И сердца, так сказать, ничуть не шевелит!»

Так дедовских времен с любезной простотою
Вчера один старик беседовал со мною.
45 Я, будучи и сам товарищ тех певцов,
Которых действию дивился он стихов,
Смутился и не знал, как отвечать мне должно;
Но, к счастью — ежели назвать то счастьем можно,
Чтоб слышать и себе ужасный приговор, —
50 Какой-то Аристарх с ним начал разговор.

«На это,— он сказал,— есть многие причины;
Не обещаюсь их открыть и половины,
А некоторые вам охотно объявлю.
Я сам язык богов, поэзию, люблю,
55 И нашей, как и вы, утешен так же мало;
Однако ж здесь, в Москве, толкался я, бывало,
Меж наших Пиндаров и всех их замечал:
Большая часть из них — лейб-гвардии капрал,
Ассессор, офицер, какой-нибудь подьячий
60 Иль из кунсткамеры антик, в пыли ходячий,
Уродов страж, — народ всё нужный, должностной;

Так часто я видал, что истинно иной
В два, в три дни рифму лишь прибрать едва успеет,
Затем что в хлопотах досуга не имеет.

65 Лишь только мысль к нему счастливая придет,
Вдруг било шесть часов! уже карета ждет;
Пора в театр, а там на бал, а там к Лиону,¹
А тут и ночь... Когда ж заехать к Аполлону?
Назавтра, лишь глаза откроет, — уж билет:

70 *На пробу в пять часов...* Куда же? В модный свет,
Где лирик наш и сам взял Арлекина ролю.
До оды ль тут? Тверди, скачи два раза к Кролю;²
Потом опять домой: здесь холься да рядись;
А там в спектакль, и так со днем опять простись!

75 К тому ж, у древних цель была, у нас другая:
Гораций, например, восторгом грудь питая,
Чего желал? О! он — он брал не с высока:
В веках бессмертия, а в Риме лишь венка
Из лавров иль из мирт, чтоб Делия сказала:

80 «Он славен, чрез него и я бессмертна стала!»
А наших многих цель — награда перстеньком,
Нередко сто рублей иль дружество с князьком,
Который отроду не читывал другога,
Кроме придворного подчас месяцеслова,

85 Иль похвала своих приятелей; а им
Печатный всякий лист быть кажется святым.
Судя ж, сколь разные и тех и наших виды,
Наверно лъзя сказать, не делая обиды
Ретивым господам, питомцам русских муз,

90 Что должен быть у них и особый вкус
И в сочинении лирической поэмы
Другие способы, особые приемы;
Какие же они, сказать вам не могу,
А только объявлю — и, право, не солгу, —

95 Как думал о стихах один стихотворитель,
Которого трудов «Меркурий» наш, и «Зритель»,³
И книжный магазин, и лавочки полны.
«Мы с рифмами на свет, — он мыслил, — рождены;
Так не смешно ли нам, поэтам, согласиться

100 На взморье в хижину, как Демосфен, забиться,
Читать да думать всё, и то, что вздумал сам,
Рассказывать одним шумящим лишь волнам?
Природа делает певца, а не ученье;
Он не учась учен, как придет в восхищенье;

105 Науки будут всё науки, а не дар;
Потребный же запас—отвага, рифмы, жар».
И вот как писывал поэт природный оду:
Лишь пушек гром подаст приятну весть народу,
Что Рымникский Алкид поляков разгромил

110 Иль Ферзен их вождя Костюшку полонил,
Он тотчас за перо и разом вывел: ода!
Потом в один присест: *такого дня и года!*
«Тут как?.. *Пою!*.. Иль нет, уж это старина!
Не лучше ль: *Даждь мне, Феб!*.. Иль так: *Не ты одна*

115 Попала под пяту, о *чалмоносна Порта!*
Но что же мне прибрать к ней в рифму, кроме черта?
Нет, нет! нехорошо; я лучше поброжу
И воздухом себя открытым освежу».
Пошел и на пути так в мыслях рассуждает:

120 «Начало никогда певцов не устрашает;
Что хочешь, то мели! Вот штука, как хвалить
Героя-то придет! Не знаю, с кем сравнить?
С Румянцевым его, иль с Грейгом, иль с Орловым?
Как жаль, что древних я не читывал! а с новым—

125 Неловко что-то всё. Да просто напишу:
Ликуй, Герой! ликуй, Герой ты! — возглашу.
Изрядно! Тут же что! Тут надобен восторг!
Скажу: *Кто завесу мне вечности расторг?*

Я вижу молний блеск! Я слышу с горня света

130 *И то, и то... А там?... известно: многи лета!*
Брависсимо! и план и мысли, всё уж есть!
Да здравствует поэт! осталось присесть,
Да только написать, да и печатать смело!»
Бежит на свой чердак, чертит, и в шляпе дело!

135 И оду уж его тиснением предают,
И в оде уж его нам ваку продают!
Вот как пиндарил он, и все, ему подобны,
Едва ли вывески надписывать способны!
Желал бы я, чтоб Феб хотя во сне им рек:

140 «Кто в громкий славою Екатеринин век
Хвалой ему сердец других не восхищает
И лиры сладкою слезой не орошает,
Тот брось ее, разбей, и знай: он не поэт!»

Да ведает же всяк по одам мой клевет,
145 Как дерзостный язык бесславил нас, ничтожил,
Как лирикой ценил! Воспрянем! Марсий ожил!
Товарищи! к столу, за перья! отомстим,
Надуюмся, напред, ударим, поразим!
Напишем на него предлинную сатиру

150 И оправдаем тем российску громку лиру.

¹ Бывший содержатель в Петербурге вольных маскарадов.

² Петербургский портной.

³ Петербургские журналы.

Podražanie Pervoj Tibullovoj èlegii. (*) (1795)

Подражаніе

Первой Тибулловой элегіи. ()*

Пускай кто многими землями обладает,
Въ день копить золото, а въ ночь недосыпаетъ,
Страшася и во снѣ военныя трубы,
Тибулль унизился бѣ, желавъ его судьбы!

5 Тибулль въ убожествѣ, незнатенъ... но доволенъ,
Когда онъ въ хижинкѣ своей спокоенъ, воленъ,
Живетъ съ надеждою, съ любовію втроемъ
И полный властелинъ въ владѣніи своемъ.
Хочу, и дѣлаю: то въ скромномъ огородѣ

10 Разцвѣтши рву цвѣты, и гимнъ пою природѣ,
То тропки по чертѣ прямыя провожу,
То за прививками младыхъ деревъ хожу,
То гряды не стыдяся самъ заступомъ копаю;
А иногда воловъ лѣнивыхъ погоняю,

15 Иль весело бѣгу съ барашкомъ на рукахъ,
Который позабытъ былъ матерью въ лугахъ
 Богамъ усердный жрецъ, я первенцы земные
Всегда приношу на олтари святыя:
Палесѣ жертвую домашнимъ я млекомъ,

20 Помонѣ каждымъ вновь родившимся плодомъ;
А предъ тобой всегда, Церера златовласа!
Я вѣшаю вѣнокъ, сплетенный мной изъ класа!
О Лары! нѣкогда я въ жертву приносилъ
Прекраснѣйшихъ телицъ... тогда богатъ я былъ;

25 А нынѣ... и овна считаю важнымъ даромъ!
Но я и въ бѣдности благодаренъ съ жаромъ
Любимаго для васъ закланію предамъ.
Да воскурится паръ отъ жертвы къ небесамъ,
При пѣсняхъ юности безпечной и веселой,

30 Просящей ревностно вина и жатвы зрѣлой!
Услышьте, боги, нашъ сердечный, кроткій гласъ
И скудные дары не презрите отъ насъ!
Первоначальный даръ вамъ, боги, посвященный
Простѣйшій былъ сосудъ изъ глины сотворенный

35 Я о родительскомъ богатствѣ не тужу;
Безпечно дней моихъ остатокъ провожу;
Работаю, смѣюсь иль съ Музами играю,
Или подъ тѣнію древесной отдыхаю,
Которая меня прохладою дарить;

40 Сквозь солнца иногда дождь мѣленькой шумит:
Я слушаю его, помалу погружаюсь
Въ забвеніе, и въ мигъ сномъ легкимъ наслаждаюсь;
Иль въ мрачну, бурну ночь въ объятіяхъ драгой
Не слышу и грозы, гремящей надо мной:

45 Вотъ сердца моего желанья и утѣхи!
Пускай Мессала льстятъ оружія успѣхи,
Одержанныя имъ побѣды на войнѣ;
Пускай подъ лаврами, на гордомъ онъ конѣ,
Съ полками плѣнниковъ при плескахъ въ Римъ вступаетъ,

50 И славы своя лучами поражаетъ;
А я – пускай отъ всѣхъ остануся забвень,
Пусть скажутъ обо мнѣ, что робкимъ я рождень,
Но Деліи во вѣкъ не огорчу разлукой:
Одна ея слеза была бѣ мнѣ тяжелой мукой.

55 Прочь слава! не хочу жить въ будущихъ вѣкахъ,
Пребудь лишь ты въ моихъ, о Делія, очахъ!
Съ тобою дика степь Тибуллу будетъ раемъ;
Съ тобою я готовъ быть зноемъ пожигаемъ,
И ночи на землѣ сырой препровождать.

60 Ахъ! можетъ ли покой и одръ богатый дать,
Когда его дѣлится съ невѣрною женою!
О Делія! я жизнь лишь чувствую тобою;
Одинъ твой на меня умильный, страстный взглядъ
Безцѣннѣй всѣхъ честей, тріумфовъ и наградъ!

65 Но все пройдетъ... увы! и Деліи не станетъ!...
Быть можетъ... нѣтъ! пускай твой прежде другъ увянетъ;
Пускай, когда чреда умереть ему придетъ,

Еще онъ на тебя взоръ томный возведетъ;
Еще собравшись съ послѣднею онъ силой,
70 Сожметъ дрожащею рукою длань у милой,
Вздохнеть и на ея груди испустить духъ.
О Делія! душа души моей и другъ!
Уже ль на мой костеръ ни слезки не уронишь?
Нѣтъ! сердце у тебя не каменно: ты стонешь,
75 Рыдаешь, Делія!... и нѣжныя сердца
Желають моему подобнаго конца.
Но берегись въ часы толь горестны, ужасны
Любезная! Терзать власы свои прекрасны,
Или язвить себя отчаяной рукою;
80 Страхись встревожить прахъ пылавшаго тобой! –
Исчезни мрачна мысль что будетъ, не минуетъ;
Почтожь до времени душа моя тоскуеть?
Еще Сатурнъ моихъ не осребрилъ власовъ;
Еще я въ силахъ здравъ по благости боговъ;
85 Не унывай, Тибуллъ, и пользуйся годами!
Укрась чело свое ты свѣжими цвѣтами,
И посвящи любви сей быстрый жизни часъ,
Въ который и вражда утѣхою для насъ,
И выломленная дверь есть подвигомъ геройства!
90 Надежность и любовь, то молодости свойства!
Начальствую ль какъ вождь, иль самъ я предводимъ,
Равно я въ сей войнѣ великъ, неустрашимъ.
Сверни же предо мной знамена, Марсъ кровавой!
И не прельщай меня гремящей въ міре славой;
95 Готовъ трофеи ты съ увѣчемъ для другихъ,
Предъ ними всѣ вѣнцы! я щастливъ и безъ нихъ;
Богатства не хочу, а нужное имѣю,
И что всего милѣй: я Деліей владѣю.

(*) Греки и Римляне были не только первые поэты, но и положили пределы, изъ коихъ почти ни одинъ последователь выступить не дерзаль. По сему переводъ Греческихъ и Римскихъ стихотвореній есть благодѣяніе для литературы новѣйшихъ народовъ. Подобное сему сказали мы прежде, упоминая о переводѣ на нашъ языкъ *Анакреонта*; но онъ, какъ мы увѣдомились послѣ, не *переведенъ*, а *напечатанъ только* въ корпусѣ Греческихъ единовѣрцовъ.

2. **Žukovskij, Vasilij A.**

К Тибуллу. На прошедший век (1800)

К Тибуллу.

На прошедший век

Он совершил свое течение
И в бездне вечности исчез...
Могилы пепел, разрушенье,
Пучина бедствий, крови, слез —
5 Вот путь его и обелиски!

Тибулл! все под луною тленно!
Давно ль на холме сем стоял
Столетний дуб, густой, надменный,
И дол ветвями осенял?
10 Ударил гром — и дуб повержен!

Давно ли сей любимец славы
Народов жребием играл,
Вселенной подавал уставы
И небо к распре вызывал?
15 Дохнула смерть — что он? — горсть пыли.

Тибулл! нам в мире жить не вечно:
Вся наша жизнь лишь только миг.
Как молнья, время скоротечно! —
На быстрых крыльях своих
20 Оно летит, и все с ним гибнет.

Едва на дневный свет мы взглянем,
Едва себя мы ощутим
И жизнью радоваться станем:
Уже в сырой земле лежим,

25 Уж мы добыча разрушенья!

Тибулл! нельзя, чтобы природа

Лишь для червей нас создала;

Чтоб мы, проживши два, три года,

Прешед сквозь мрачны дебри зла,

30 С лица земли, как тени, скрылись!

На что винить богов напрасно?

Себя мы можем пережить:

Любя добро и мудрость страстно,

Стремясь друзьями миру быть, —

35 Мы живы в самом гробе будем!..

3. Anonymus

Vtoraja elegija Tibulla. (Perevod s Latinskago.) (1805)

Вторая элегія

Тибулла.

(Переводъ съ Латинскаго.)

- Подайте чистаго и свѣтлаго вина:
Оно есть другъ сердца́мъ, нещастьёмъ удрученнымъ;
Съ нимъ легки кажутся всѣхъ скорбей бремена;
Оно дастъ сладкій сонъ зеницамъ отягченнымъ,
5 Да Вакховыхъ волшебствъ никто не возмутить:
Его дары любовь нещастну засыпляютъ;
Но строгій стражъ мою любезную хранить.
Задвижки крѣпкія къ ней двери заграждаютъ.
О дверь жестокая! смочайся вѣкъ дождемъ,
10 Да громомъ Зевсовымъ ты будешь сокрушенна
Ахъ, нѣтъ! дай помощь мнѣ въ нещастіи моемъ,
И мнѣ единому останься отворенна;
Но скрыпомъ моего прихода не открой.
Забудь, что гнѣвными вѣщал тебѣ словами,
15 А вспомни жалобы и гласъ плачевный мой;
Вспомни, какъ тебя украсиль я цвѣтами.
А ты, о Делія, Аргуса обольсти,
Но трепетомъ во вѣкъ его ты не обманешь.
Венера поспѣшитъ на помощь къ намъ придти,
20 Когда ты дѣйствовать не робко, бодро станешь.
Она любовнику даетъ покровъ всегда,
Когда онъ тайно дверь любезной отверзаетъ;
Даетъ она совѣтъ, какъ скрыться отъ стыда,
И дверь опасную задвижкой заграждаетъ.
25 Венера учить насъ, какъ шума избѣжать;
Какъ тайно выходить изъ сладостной постели;
Какъ легкою ногой едва переступить,

Чтобь доски на полу никакъ не закрѣпили.
Она внушаетъ намъ безгласный разговоръ,
30 Чтобь внятно говорилъ безъ словъ единый взоръ.
Но чтожь не всѣхъ равно она симъ тайнамъ учить,
Не всѣхъ ко щастію ведетъ рукой своей?
Того лишь, кто въ любви трудами не поскучить,
Кто смѣло дѣйствуетъ и въ мрачности ночей.
35 Венера страстнаго избавить отъ убійцы.
Предавшійся любви отъ бѣдъ освобождень.
Не страженъ будетъ вопль ему ношныя птицы,
Отъ всѣхъ сѣтей и бѣдъ онъ будетъ ограждень.
Я ночи не страшусь и въ саму зиму люту,
40 Ни дождь ліющійся меня не возмутить.
Отворить Делія мнѣ двери чрезъ минуту,
И скоро знакъ любви мнѣ щастье возвѣститъ.
О вы, вблизи меня идущіе дорогой,
Не обращайтесь вы ко мнѣ своихъ очей!
45 Венера скромности всегда желаетъ строгой.
Не сдѣлайте вы стукъ походкою своей;
О имени моемъ не дѣлайте вопросовъ;
Не приближайтесь съ нескромною свѣчой;
Узнавъ меня, отнюдь не дѣлайте доносовъ;
50 Клянитесь, что совѣмъ не знаете со мной.
Но естли тайну кто мою открыть рѣшится,
Венера будетъ врагъ ему съ того же дня;
Мужъ Деліи на сихъ словахъ не утверится,
Какъ въ томъ волшебница увѣрила меня.
55 Я видѣлъ, какъ она всѣ звѣзды заклинала,
Какъ ихъ она съ высотъ небесныхъ призывала,
Какъ литься вспять она рѣкамъ повелѣвала,
И какъ отверзла вдругъ земля свои чресла;
Какъ тѣни мертвыя изъ гроба возставали,
60 Какъ кости цѣлыя сбирались изъ могиль,
Какъ духи адскіе всѣ гласъ ея внимали,

И какъ явиться имъ самъ Смиксъ не воспретилъ.
Едва млекою она содѣлала кропленье,
Всѣ духи злобные сокрылись за Коцитъ,
65 И сами облака у ней въ повиновеньѣ.
Чрезъ слово теплоту и хладъ она творить.
Она постигнувши Медеи дивны тайны,
И псовъ Гекатиныхъ умѣетъ укротить.
Она составы мнѣ дала необычайны,
70 Которыми могу ревнивыхъ обольстить.
Но чтожь? хотя меня она и наградила;
Отъ всѣхъ ея волшебствъ желалъ я не того,
Желалъ, чтобъ Делія меня всегда любила:
Ее любви хочу, и больше ничего.

4. Anastasevič, Vasilij G.

Èlegija I. Albija Tibulla. (1806)

Элегія I.

Албія Тибулла.

- Богатство въ золотѣ пусть тотъ себѣ стяжаетъ,
И пахатныхъ полей участки умножаетъ,
Кто непріятеля всегда со страхомъ ждетъ,
Кому шумъ волнъ морскихъ сомкнуть глазъ не даетъ.
- 5 Мнѣ бѣдность лишніа заботы облегчаетъ,
Когда мой комелѣкъ горсть углей освѣщаетъ,
Надежда все мнѣ дастъ: – и кошницы плодовъ,
И погребъ сладкихъ винъ изъ собственныхъ садовъ.
Я въ пору насажу самъ виноградну лозу,
- 10 И яблоки сберечь успѣю отъ морозу;
Тяжелыхъ въ руки виль не постыжусь поднять,
Лѣнливыхъ воликовъ самъ буду погонять.
Сохранно въ пазухѣ прижму къ себѣ ягнѣнка,
И принесу домой отставшаго козлѣнка.
- 15 Здѣсь съ пастухомъ моимъ я здѣлавши разщотъ,
Лѣю тепло молоко Палесѣ (*) всякой годъ.
Я чту ее, хоть пень сухой намъ представляетъ,
Хоть камень на пуши въ цвѣтахъ ее являетъ.
Какую въ новый годъ я жертву ни сберу,
- 20 Предъ богомъ пахарей начашки въ честь пожру.
Колосяный вѣнокъ Цереры златовласой,
У храма надъ дверьми повѣшу ей прикрасной:
Стражъ вѣрный зелени Пріапъ и богъ садовъ,
Птицъ станеть отгонять косою отъ плодовъ.
- 25 А вы, что берегли мои, домашни боги,
Сперва богатая поля, теперъ убоги,
Изъ стадъ вамъ въ жертву шла телица отъ меня;
За комъ земли теперъ вамъ приношу ягня.

Подниметь молодёжь вокруг него крикъ сильной;
30 Моля васъ о винѣ и жатвѣ изобильной.
Не погнушайтесь, придите, боги, къ намъ,
Скудель и бѣдный столъ да не мерзѣютъ вамъ.
И наши праотцы посуду тожъ имѣли
Изъ мягкой, ихъ рукамъ послушныя, скудели.
35 О волки хищные и всякой злобной воръ!
Ищите стадъ большихъ, щадя мой бѣдной дворъ.
Не жаль мнѣ предковскихъ богатствъ, ни жатвѣ щастливыхъ,
Руками собранныхъ дѣдовъ трудолюбивыхъ.
Убрать не много хлѣбъ и то довольно мнѣ.
40 Люблю на чердакѣ часокъ провести во снѣ.
Какъ сладко слушать ревъ жестокой бури, лежа
У милой на груди; ей мягки члены нѣжа,
И съ ней безопасно спать подъ дождь, когда Борей,
Летя къ намъ съ хладныхъ странъ, ярится у дверей.
45 Да будетъ такъ со мной! – желаю тѣмъ богатства,
Кому ничто моря – кто сносить всѣ препятства.
Доволенъ малостью, умѣренно живя,
Пуститься въ дальній путь ни какъ не могъ бы я.
Какъ песія звѣзда пошлетъ жаръ нестерпимый,
50 Отъ знойныхъ солнечныхъ лучей тогда палимый,
Я подъ прохладною деревъ сокрылсябъ тѣнь,
И тамъ на берегу ручья провелъ бы день.
Потибни золото, погибните смарагды,
Чемъ милой обо мнѣ лить слезы безъ отрады!
55 Мессала! ты воюй на сутѣ, на моряхъ,
Чтобъ вѣшать у себя трофеи на дверяхъ.
Я связанъ узами моей драгой прекрасной,
Стучусь, хоть поздно, къ ней и часто – – трудъ напрасной!..
Къ чему мнѣ Делія! съ тобой другая честь –
60 Пусть назовутъ меня, всеъ что ни хуже есть.
Самъ запрягу быковъ, самъ буду пасть скотину.
Лишь толькобъ ты пришла ко мнѣ на тужъ долину.

И еслибъ я тебя тамъ могъ къ себѣ прижать,
Не жосткобъ на землѣ вздремавши полежать!

65 Что въ томъ, хотя постель и пурпуромъ застелишь,
Когда безъ милой ночь въ слезахъ, ни съ кѣмъ не дѣлишь.
Ни дорогая ткань тогда, ни мягкой пухъ,
Ни водъ журчаніе не утишатъ твой духъ.
Желѣзно сердце въ томъ, ктобъ самъ тобой владѣя,

70 Хотѣлъ съ мечемъ въ рукахъ преслѣдовать злодѣя.
Спѣши онъ, чтобъ толпы враговъ гнать предъ собой,
И станъ разбивъ гласить дѣла свои трубой,
Влестя весь золотомъ другой пусть щеголяетъ
На прыткомъ бѣгунѣ и взоръ всѣхъ удивляетъ.

75 Тебя я буду зрѣть въ послѣдній даже часъ
И слабой жать рукой, пока не сомкну глазъ.
Оплачешь, Делія, меня передъ сожженъемъ,
Приступишь лобызать мой прахъ въ слезахъ съ смущенъемъ.
Оплачешь, милая, – то очень знаю я.

80 Что не желѣзна грудъ, не каменна твоя.
Младые юноши съ любезными своими
Простятся ли безъ слезъ съ остатками моими? ...
Но ты волосъ твоихъ должна еще жалѣть.
И нѣжныхъ, милыхъ щекъ, чтобъ могъ я мирно тлѣть.

85 И между тѣмъ, пока судьба къ намъ благосклонна
Вкусимъ утѣхъ любви! – придетъ смерть непреклонна,
Придетъ вѣкъ немощей; прилично ли тогда
Являть любовный жаръ, какъ голова сѣда?
Теперь-то время намъ Венерѣ жечь кадило;

90 Какъ въ силахъ я прервать, что путь къ ней заградило.
Здѣсь вождь и воинъ я – ступайте слава, честь,
Богатство, раны къ тѣмъ, въ комъ къ вамъ охота есть.
На маломъ уголкѣ земли живу безопасно:
Богатство съ голодомъ я презираю вѣчно. –

А – чь.

(*) Палесѣ или Палеса было Божество пастуховъ, которое имѣло попеченіе о стадахъ. Отъ сего были праздники Палиліи; они знатно отправлялись тогда въ деревняхъ у Римлянъ 19 Апрѣля. Крестьяне очищали себя куревомъ смѣшаннымъ изъ лошадиной крови, пепла молодой телицы, принесенной на жертву и бобовыхъ стеблей. Также очищались у нихъ овчарни и стада, дымомъ отъ можжевельника и сѣры. Потомъ приносилось въ жертву Богинѣ молоко, грѣтое вино, и просо Праздникъ окончивался огнемъ отъ зажженной соломы, чрезъ комъ молодёжь скакала, и вокругъ ихъ клясали подъ свирѣли и кимвалы.

5. Anonymus

Per'vaja Èlegija Tibulla. (1806)

Первая Элегия Тибулла.

- Кто хочет свой губи покой,
И жертвуй им, любя богатствъ и бѣлсковъ тлѣнность –
А я прельщаюся единой простотой,
Одну люблю сердечно лѣнность.
- 5 Доволенъ, коль мои поля и виноградъ
Мою надежду награждаютъ;
Коль полонъ погребъ мой, когда цвѣтетъ мой садъ;
Коль житницы мои съ избыткомъ хлебъ вмѣщаютъ.
Я въ стыдъ во вѣки не вмѣню,
- 10 Что правя самъ сохой вола я понуждаю,
Что бодрой иногда рукою бороню,
Иль игру поливаю;
Когда же вечеромъ нечаянно найду,
Что агнецъ съ матерью разстался –
- 15 Покличу я его, къ пастшкѣ приведу;
И мыть мои стада я даже не гнушался,
Палесовой себѣ подпоры я прошу;
Когда же новый годъ плоды рождаетъ новы –
Ихъ Пану въ жертву приношу,
- 20 Къ вѣчнанію его цвѣты всегда готовы.
Пенаты, жившіе со мной
Въ мои обильны дни въ чертогахъ больше пышныхъ.
Я бѣденъ нынѣ сталь – примитежъ даръ простой!
Я долженъ отставать отъ роскошей излишнихъ.
- 25 Телицу преждѣ могъ я въ жертву приносить;
Теперь же толко вамъ я агнца посвящаю,
Чтобъ съ большимъ торжествомъ обѣты совершить –
Всѣхъ юношей моей деревни собираю.
Они всѣ гласы съѣдиня,

30 Поють: О! боги! Нашъ убогій даръ примите!
Мы молимъ васъ о томъ коленапреклоня,
Поля и виноградъ вы нашъ благословите!
Вино я налилъ въ честь боговъ
Въ сосуды глянныя простыя,
35 Примѣру слѣдую смиренныхъ праотцовъ:
Не дорого цѣню сосуды золотыя.
О волкъ! щади мои толь бѣданыя стада,
Чтобъ голодь твой насытить,
Поди ты къ богачамъ – у нихъ найдешь всегда
40 Овѣчку лишнюю похититью
Я бѣдень и хочу быть въ бѣдности всегда,
Богатства, пышность, блѣскъ мнѣ кажутся мечтою,
Для пищи – былибъ хлѣбъ, да чистая вода,
И добрая постель зовущая къ покою;
45 Сколь сладко для меня въ ночь бурну отдохнуть,
Съ пріятной дѣвушкой, любезной, не упорной –
Въ объятіяхъ ея заснуть,
Когда шумить вдали дождь крупный плодотворной.
Вотъ щастье для меня! – Кто хочетъ богатѣй,
50 Въ странахъ скитайся неизвестныхъ,
Ворися съ вѣтрами среди пучинъ, морей:
А я въ лугахъ моихъ прелѣстныхъ
Работы окончавъ толь нужны для житья,
Подъ дубомъ скроюся отъ зною;
55 Журчанье слушая кристальнаго ручья,
Найду себѣ покой подъ тѣнію густою.
Согласенъ жертвовать я златомъ во сто разъ –
Лишь толко бы ни что драгой не возмутило,
Лишь толкобъ свѣтлости ея прелѣстныхъ глазъ
60 Мое отсутствіе слѣзами не мрачило,
Какъ хочешь Месала плыви среди валовъ,
И славу получай за подвиги полезны;
Всѣхъ выше для меня даровъ,

Коль встрѣчу взоры я любезны.

65 За славой, за ея вѣнцами не гонюсь;
Я мнѣніе людей не много уважаю,
Охотно быть отъ всѣхъ презрѣннымъ соглашусь,
За то, что жизнь тебѣ единой посвящаю.

Пустыня дикая – съ тобой

70 Чертоговъ царскихъ мнѣ любезнѣе стократно;
Въ объятіяхъ твоихъ – и на скалѣ крутой
Я наслаждалсябъ сномъ пріятно.
Безъ сладкія любви, нѣтъ счастья для людей;
И часто ложе испещренно

75 Видало множество мученій и скорбей.
Ни злато блещуще безцѣнно,
Ни мягкій пухъ, ни шумъ журчащихъ, чистыхъ водъ,
Ни жизнь безмолвна, удаленна
Не могутъ усладить печалей и заботъ,

80 Которыми душа развратная смущенна,
Желѣзно сердце вѣрно въ томъ,
Кто видя Делію прелѣстну,
Кто съ нею жтвучи оставилъ бы свой домъ,
Направая путь въ страну далеку и безвѣстну.

85 Пусть я живу съ тобой, умру въ твоихъ глазахъ;
Пускай моя рука слабѣя,
Еще сожметъ твою; пускай уста хладѣя,
Твой примутъ поцелуй омоченный въ слезахъ.
Ты, Делія! не такъ жестока,

90 Чтобъ слезъ о смерти не пролить
Того, кто презря всю къ себѣ жестокость рока,
Все счастье ставилъ въ томъ, чтобы тебя любить;
Твоей печали сострадаю,
Всѣ нѣжныя сердца восплачутъ обо мнѣ,

95 Ислезы горькія съ твоими съединяю,
Доставятъ сладость нѣ въ небесной тишинѣ –
Не рви твоихъ власовъ, среди твоихъ страданій –

Ты хладный прахъ мой возмутишь;
Не бей себя ты въ грудь, предметъ моихъ желаній!
100 Лице твое мрача, ты духъ мой оскорбишь.
Но смерти ждавъ, сорвемъ плоды любви отрадны –
И молодость къ тому и время насъ зовут;
Когда же смерть простретъ свои къ намъ руки хладны,
То всѣ веселья убѣгутъ.
105 Подъ старость пылкое желанье
Изчезнетъ – и его не узримъ мы садовъ,
Любови нѣжное дыханье
Утихнетъ видя блескъ сребристыхъ волосовъ;
Воспользуемся мы мгновеньемъ,
110 Которое теперъ даетъ Киприда намъ:
На что заранѣе разстаться съ восхищеньемъ,
Толь свойственнымъ молодымъ годамъ?
Хочу я быть попеременно
Учителемъ твоимъ, потомъ ученикомъ;
115 О! ложной славы блескъ! О! щастіе надменно!
Несите отъ меня вы далѣе свой громъ.
О хижина моя любезна и смиренна!
Когда въ тебѣ живу въ пріятной тишинѣ,
Когда я съ Деліей – Коль часть моя блаженна!
120 Чего же пожелать осталось въ мірѣ мнѣ?

6. N. N.

Stichi. Podražanie Tibullu. (1806)

Стихи.

Подражание Тибуллу.

- Обманъ, невѣрность, лесть – вездѣ вижу вину!
Страдаю – но люблю въ преступницѣ жену.
Мнѣ мнится зрю ее, когда предъ олтаремъ
Клялась Святынею – клялась любить мнѣ всѣмъ.
- 5 Какъ Ангельской красой, тогда мой духъ плѣнялся,
Какъ яъ судьбой своей былъ счастливъ, восхищался.
Увы! все то мечта – все ложный лишь призракъ.
Минуты счастья сколь кратки, знает всякъ.
Мелина! для чего намъ ихъ бы не пролить?
- 10 Не выборъ ли твой былъ, чтобъ сердце мнѣ вручить,
И съ нимъ блаженства цѣнь не ты ли обѣщала
Въ потомство передать, когда во храмъ вступала?
На то ль имѣемъ умъ, чтобъ все онѣ разрушаль,
И честь, и долгъ – законъ въ игрушку превращаль?
- 15 На то ли человекъ столь созданъ превосходно,
И низкимъ склонностямъ отдавши себя въ плѣнь,
Стремился въ бездну золь, и тамъ былъ погружень?
Что сдѣлалъ *Лизисъ* твой? Какое преступленье?
За что онъ осужденъ тобою на мученье?
- 20 Обруганъ, посрамленъ безъ друга, безъ совѣта:
За то ль, что пламенной горѣлъ къ тебѣ любовью?
Иль хочешь, чтобы онъ *омылъ* несчастье кровью?
Законъ, разсудокъ, ты – такъ могутъ ли быть строги?
Не уже ли другой нѣтъ къ вѣчности дороги?
- 25 Исполнятся твои, *Мелина*, всѣ желанья:
Несчастной твой супругъ готовъ безъ содроганья
Оставить свѣтъ, тебя; забыть враговъ обиды,
Ихъ ковы злобные, коварство, лесть, всѣ виды;

Осталось, объ одномъ что просить *Лизисъ* твой:

30 Почти хотъ прахъ его сердечною слезой!

N. N.

Сумы.

1805.

7. Blank, Boris K.

Podražanie prvej Tibullovej élegii. (1808)

Подражаніе первой Тибулловой эдегіи.

- Пускай иной, гонясь за щастіемъ и славой,
Всечасно чувствуя невольный трепеть, страхъ,
Лишится сна и жизнь наполнить всю отравой;
Пускай за Марсомъ въ слѣдъ иной съ мечемъ въ рукахъ,
5 По тернамъ проходя свой путь заботный, трудный,
Услышитъ, пробудясь, ужасной шумъ войны:
Я въ хижинѣ моей, хотя непышной, скудной,
Но въ нѣдра удаленъ пріятной тишины,
Богатствомъ, почестями ни мало не плѣняясь,
10 Не знаю зависти и страху никогда;
И за химерою блестящей не гоняясь,
Здѣсь въ празднои бѣдности спокоенъ всегда!
Лишь толькобъ лстящая надежда улыбаясь,
Беспечности моей вдали казала мнѣ
15 Обильность нивъ моихъ, обильность винограда:
Другихъ желаній я не знаю въ тишинѣ;
Ихъ тѣсная сія вмѣщаетъ все ограда;
Доволенъ тѣмъ, что есть, и слѣдственно богатъ.
Я самъ въ саду моемъ деревья понянщаю,
20 За трудъ себѣ отъ нихъ съ терпѣніемъ ждя наградъ;
Иль плугомъ борозды по нивѣ пролагаю,
Съ какою радостью въ объятіяхъ моихъ
Я часто въ домъ несу заблудшаго ягненка,
Или упавшаго со пригорковъ крутыхъ,
25 Безпечной матерью забытаго козленка!
Весной и осенью, въ дни оныхъ торжества
Я жертвы приношу богамъ лишь земледѣля.
О божества полей! Вы щастья божества!
Однимъ вамъ жертвую отъ чистаго усердя!

30 Палесѣ въ почестѣ я лью свѣжео млеко,
А первой плодъ кладу на жертвенникѣ Помоны;
Хотяжъ отъ хижины моей и далеко,
Несу Церерѣ въ даръ изъ колосовъ короны.
О вы хранители наслѣдья моего,
35 Благотворящіе мнѣ Лары и Пенаты!
Вамъ нѣкогда несъ въ знакъ усердья своего,
Когда въ избыткѣ жилъ, даръ пышный и богатый:
Тельцовъ упитанныхъ предъ вами закалалъ;
А нынѣ агнецъ лишь, на жертву принесенный,
40 Даръ важный для меня! Теперь я бѣденъ сталъ;
Но благочестіемъ къ вамъ тѣмъ же упоенный,
Съ чистѣйшей радостью любимаго отдамъ:
Пусть закланъ будетъ онъ средь юношей веселыхъ.
О благотворныя! внемлите ихъ мольбамъ:
45 Да изобиліе вина и жатвъ созрѣлыхъ
Съ избыткомъ наградить за ихъ подъятый трудъ!
Не презрите нашъ гласъ сердечный и смиренный:
Начальный даръ богамъ простой лишь былъ сосудъ,
Изъ глины слепленный и въ жертву принесенный.
50 Нѣтъ нужды о моемъ богатствѣ мнѣ тужить
Доволенъ будучи своимъ уеднениемъ,
Остатокъ дней могу спокойно проводить,
Средь жизни радостной, не мучась угрызениемъ,
Смежаетъ кроткой сонъ всегда мои глаза.
55 О роскошь для души безпечной и невинной,
Когда дождь мѣлкой чуть шумить сквозь дресеса,
На свѣжей зелени, въ тѣни явора длинной,
Въ забвеньи сладостномъ среди мечты заснуть!
Но можноть выразить то чувствіе небесно,
60 Когда въ ночь бурную главу ко мнѣ на грудь
Безцѣнная склоня, рукой своей прелестной
Въ кругъ стана обовьетъ, къ себѣ прижметъ меня?
О боги! вотъ одно души моей желанье!

Пусть в ненасытности, богатствомъ умъ плѣня,
65 Сбираетъ кто другой стяжанье на стяжанье:
Я бѣденъ, но иду съ довольною душой
Къ журчащему ручью прохладной насладиться.
Да гибнетъ злато все, когда, мой другъ, съ тобой
Я долженъ для него хоть на день разлучиться!
70 Одна слеза твоя всего дороже мнѣ!
Пусть лавръ безсмертія Мессала пожинаетъ,
Питая гордый духъ побѣдой на войнѣ;
Пускай трофеями свой замокъ украшаетъ,
Чтоб жить въ потомкахъ вѣкъ: - я былъ плѣненъ тобой,
75 Блаженной части сей! ни съ чѣмъ не поравняю.
Пробудь всегда, пробудь лишь только ты со мной!
Величье, почести, все въ мірѣ презираю:
Ты благо дней моихъ, безсмертье и вѣнецъ!
Мнѣ лестнѣ стократъ въ лугахъ уединенныхъ,
80 О другъ души моей! съ тобой пасти овецъ,
Чѣмъ славой громкою жить въ памяти у смертныхъ.
Въ объятіяхъ твоихъ и на землѣ сырой
Я сладостнѣй засну, чѣмъ въ убранной палатѣ.
Богатая кровать не можетъ дать покой:
85 И тамъ жалѣемъ мы о милой сердцу тратѣ.
Пухъ, золото, атласъ, журчанье томныхъ водъ
Пріятности ночей еще не составляютъ;
Прекрасная постель не уменьшитъ заботъ,
Когда въ безсонницѣ тамъ слезы проливаютъ:
90 Когда невѣрная любовница бѣжитъ,
И тушитъ пламень свой въ объятіяхъ другаго
Ничто, ничто, увы! сего не замѣнитъ!
Ахъ! въ жизни безъ любви нетъ щастія прямаго
Кто сердце мѣдное такое бы имѣлъ,
95 Чтобъ бывъ твоимъ, вкусивъ столь райское блаженство.
Онъ славы звукъ пустой сему бы предпочель?
Въ тебѣ, въ тебѣ я чту все щастью совершенство!

Тобою брошенный одинъ мнѣ съ лаской взгляды,
 Безцѣннѣй для меня всѣхъ почестей въ семь мѣръ;
 100 Онъ былъ бы и тогда всѣхъ выше мнѣ наградъ,
 Когдабъ я родился въ коронѣ и порфирѣ!-
 Когдажъ мнѣ солнца луч блеснетъ въ послѣдній разъ,
 Молю: - въ часъ грозный тотъ, назначенный судьбою,
 Чтобъ взоръ мой на тебѣ остановясь погасъ!
 105 И умирающей ослабшею рукою
 Твою бы руку я въ груди моей прижалъ!
 Ты безъ сомнѣнія о другѣ пожалѣешь,
 Которой въ жизни сей тобою одной дышала!
 Нѣтъ! Нѣтъ! И сердце ты не каменно имѣешь!
 110 Ты на кострѣ моемъ лишь будешь слезный токъ,
 И вѣрная съ тобою любовница состонетъ,
 И страстной другъ ея – мой пожелает рокъ:
 Твоя печаль сердца чувствительныя тронетъ! . . .
 Но праха моего не возмущай покой;
 115 Побереги себя, не рѣжь волосъ прелестныхъ:
 Увы! тѣмъ другъ души не оживится твой! . . .
 Не трать, о милая! красоть своихъ небесныхъ! . . .
 Доколѣжь жизни сей не пресѣчется нить
 Неумолимою, угрюмой Паркой, лютой;
 120 Сердечной роскошью – д р у г ъ друга ввѣкъ любить -
 Да насладимся въ ней мы съ каждою минутой:
 Что время унесетъ, не возвратится вновь!
 Ахъ! скоро, скоро смерть подъ мрачнымъ покрываломъ
 Сокроетъ наши всѣ утехы и любовь!
 125 Сатурнъ косы своей неумолимой жаломъ
 Ни младость, ни красу, ничто не пощадить!
 А сердца милой богъ зимы не любитъ снѣжной,
 И отъ главы сѣдой онъ прочь всегда летитъ!
 Но я далекъ еще сей части неизбѣжной;
 130 Не отцвѣла моихъ щастливыхъ дней весна.
 Доволенъ будучи и тѣмъ, что я имѣю,

Богатства не ищю; мнѣ бѣдность не страшна:
Чтожъ болѣе всего; тобой, мой другъ, владѣю!

Б*

8. Batjuškov, Konstantin N.

Tibullova Èlegija. IIIja iz IIIj knigi. (1809)

Тибуллова Елегія.

IIIя изъ IIIй книги.

- Напрасно осыпаль я жертвенникъ цвѣтами,
Напрасно фиміамъ куриль предъ олтарями,
Все тщетно... Деліи еще съ Тибулломъ нѣтъ.
Безсмертны! слышали вы скромный мой обѣтъ!
- 5 Молиль-ли васъ когда о почестяхъ и златѣ?
Желаль ли обитать во мраморной палатѣ?
Къ чему мнѣ пажитей обширная земля,
Златыми класами вѣнчанныя поля,
И стадо кобылицъ, рабами охраненно?
- 10 О бѣдности молиль, съ тобою раздѣленной!
Молиль, чтобъ смерть меня застала при тебѣ,
Хоть нища – но съ тобой!... Къ чему желать себѣ
Богатства Азіи, или воловъ дебелыхъ?
Ужели болѣе мы дней сочтемъ веселыхъ
- 15 Подъ крышей золотой, гдѣ дивный рядъ столбовъ
Иссѣченъ хитростью наемныхъ пришлецовъ;
Гдѣ всё одинъ порфиръ Тенера и Кариста,
Помосты мраморны и урны злата чиста;
Сады пространные, гдѣ силою трудовъ
- 20 Легла священна тѣнь отъ кедровыхъ лѣсовъ?
Къ чему Эритрскія жемчужины безцѣнны,
И волны Тирскія, багрянцемъ напоенны?
Въ богатствѣ ль счастье? Въ немъ призракъ, тщетный видъ!
Мудрецъ отъ Ларь своихъ за златомъ не бѣжить,
- 25 Колѣнь предъ Случаемъ во вѣкъ не преклоняетъ
И въ хижинѣ своей Фортуну ожидаетъ!
- И бѣдность, Делія, мнѣ дорога съ тобой!

Тоть кровь соломенной чту крышей золотой,
Тоть кровь гдѣ съедиень души моей съ душою
30 Стократъ благословень!.... Но естли предо мною
Безсмертныя вѣсовъ судьбы не преклонять:
Утѣшить ли тогда Тибулла пышный градъ?
Ахъ! нѣтъ! — и золото, что катить дно Пактола,
И громской славы шумъ, и самый блескъ престола,
35 Безъ Деліи ничто — а съ ней, и куща храмъ!
Безвѣстность, нищета завидны небесамъ!

О дочь Сатурнова! услышь мое моление!
И ты, любви мать! Когда же Паркъ сужденье,
Когда суровыхъ сестръ противно вретено,
40 И Деліей владѣть Тибуллу не дано —
Пускай теперь сойду во области Плутона,
Гдѣ блата топкія и воды Ахерона,
Широкой цѣпю вкругъ ада облежать,
Гдѣ безпробуднымъ сномъ печальны тѣни спять.

К.

XI Tibullova Ėlegija iz I knigi. (Vol'nyj perevod.) (1810)

XI Тибуллова Элегія изъ I книги.

(Вольный переводъ.)

Кто первый изострилъ желѣзный мечъ, и стрѣлы?
Жестокій! онъ изгналъ въ безвѣстныя предѣлы
Невинный миръ, и въ адъ открылъ обширный путь!
Но онъ виновенъ ли, когда на ближнихъ грудь
5 За злато въ бѣшенствѣ желѣзо устремляемъ,
А не чудовищей пустынныхъ имъ сражаемъ?
Когда на пиршествахъ стоялъ сосудъ святой

Изъ буковой коры межъ утвари простой,
И столь былъ отягченъ избыткомъ сельскихъ брашенъ:
10 Тогда не знали мы щитовъ и твердыхъ башенъ,
И пастырь близъ овецъ спокойно засыпаль!
Тогдабъ и дни мои я радостьми считаль!
Тогдабъ не чувствовалъ невольнo трепетанья
При гласѣ бранныхъ трубъ! О тщетныя мечтанья!
15 Я съ Марсомъ на войнѣ; быть можетъ, лукъ тугой
Натянуть на меня пернатою стрѣлой...

О Боги! сей ударъ вы мимо пронесите!
Вы, Лары отчески! отъ гибели спасите!
О вы, хранившіе меня въ тѣни своей,
20 Въ безопасности златой отъ самыхъ юныхъ дней!
Не постыдитесь, что ликъ боговъ священный,
Изсѣченный изъ пня, и пылью покровенный,
Въ жилищѣ праотцевъ уединенъ стоитъ!
Не знали смертные ни злобы, ни обидь,
25 Ни клятвъ нарушенныхъ, ни почестей, ни злата,
Когда священный ликъ домашняго Пената,
Еще скудельный былъ на пепелищѣ ихъ!
Онъ благодатенъ намъ, когда изъ чашъ простыхъ
Мы учинимъ предъ нимъ обильны возліянья,
30 А на власы его, въ знакъ мирнаго вѣнчанья,
Возложимъ мы вѣнки изъ миртовъ и лилей;
Онъ благодатенъ намъ, сей мирный Богъ полей,
Когда на празднествахъ, в дни Майскіе веселы,
Въ кругу дѣшей своихъ, оратай престарѣлый
35 Опресноки ему священны принесеть,
А дѣвы красныя изъ улья чистый медъ.
Спаситежъ вы меня, отеческіе боги,
Отъ копій, отъ мечей! Вамъ даръ несу убогій:
Кошницу полную Церериныхъ даровъ,
40 А въ жертву сей овенъ, краса моихъ луговъ!

Я самъ, увѣнчанный и въ тогу облеченный,
Явлюсь на утрѣ предъ вашъ олтарь священный –
Пускай, народовъ бичъ, неисовый Герой,
Обрызганъ кровію, за Марсомъ идетъ въ бой;
45 А мнѣ — коль благости я сей отъ васъ достоинъ –
Пускай о подвигахъ своихъ расскажетъ воинъ,
Съ друзьями юности сидящій за столомъ,
Пусть ратный станъ чертитъ чашъ пролитыхъ виномъ!
Почто же вызывать намъ смерть изъ царства тѣни,
50 Когда въ подземный домъ вездѣ равны ступени?
Она, какъ тать въ ночи, невидимой стопой,
Но быстро, въ слѣдъ идетъ повсюду за тобой.
Она низводитъ насъ въ тѣ мрачные вертепы,
Гдѣ лаеъ адскій песъ, гдѣ Фуріи свирѣпы
55 И кормчій въ челнокѣ на Стиксовыхъ водахъ.
Тамъ тѣней блѣдный полкъ толпится на брегахъ,
Власы обожжены, и впалы ихъ ланиты!...
Хвала, хвала тебѣ, оратай домовитый!
Твой вечерѣетъ вѣкъ средъ щастливой семьи.
60 Ты самъ, в тѣни дубравъ, пасешь стада свои;
Супруга между тѣмъ трапезу учреждаетъ,
Для умовенья ногъ сосуды нагрѣваетъ
Съ кристальною водой. О боги! еслибъ я
Узрѣлъ еще мои родительски поля!
65 У свѣтлаго огня, съ подругою младою
Ябъ юность вспомянулъ за чашей круговою
И были и дѣла давно протекшихъ дней!

Сынъ неба! свѣтлый миръ! ты самъ среди полей
Вола дебелаго ярмомъ отягощаешь,
70 Ты благодать свою на нивы проливаешь,
И въ отческій сосудъ, наслѣдіе сыновъ,
Ліешь багранный сокъ изъ Вакховыхъ даровъ.
Въ дни мира острый плугъ и заступъ намъ священны;

А мечъ, кровавый мечъ, и шлемы оперенны,
75 Снѣдаетъ ржавчина безмолвно на стѣнахъ.
Оратай изъ лѣсу, тамъ ѣдетъ на волахъ
Съ женою и съ дѣтьми, виномъ развеселенный!
Дни мира! вы любви игрой посвященны!
Подъ знаменемъ ея воюемъ съ красотой.
80 Ты плачешь, Ливія! но побѣдитель твой,
Смотри — смиренно самъ колѣна преклоняетъ.
Любовь коварная украдкой подступаетъ,
И вотъ уже межъ васъ размолвившихъ сидить!
Пусть молнія боговъ безщадно поразить
85 Того, кто красоту обидѣлъ на сраженьи!
Но щастливъ тотъ, кто могъ въ минутномъ изступленьи
Вѣнокъ на волосахъ каштановыхъ измять,
И поясъ невзначай у дѣвы разорвать!
Щастливъ, три кратъ щастливъ, когда одни угрозы
90 Изторгли изъ очей любви безцѣнны слезы!
А ты, взлелѣянный межъ копій и мечей,
Бѣги, кровавый Марсъ, от нашихъ олтарей!

Константинъ Батюшковъ.

Élizij (1810)

Элизий

О, пока бесценна младость
Не умчалася стрелой,
Пей из чаши полной радость
И, сливая голос свой
5 В час вечерний с тихой лютней,
Славь беспечность и любовь!
А когда в сени уютной

Мы услышим смерти зов,
То, как лозы винограда
10 Обвивают тонкий вяз,
Так меня, моя отрада,
Обними в последний раз!
Так лилейными руками
Цепью нежною обвей,
15 Съедини уста с устами,
Душу в пламени излей!
И тогда тропой безвестной,
Долу, к тихим берегам,
Сам он, бог любви прелестной,
20 Проведет нас по цветам
В тот Элизий, где всё тает
Чувством неги и любви,
Где любовник воскресает
С новым пламенем в крови,
25 Где, любуясь пляской граций,
Нимф, сплетенных в хоровод,
С Делией своей Гораций
Гимны радости поет.
Там, под тенью миртов зыбкой,
30 Нам любовь сплетет венцы
И приветливой улыбкой
Встретят нежные певцы.

9. Dmitriev, Ivan I.

Trissotin i Vadius (1810)

Триссотин и Вадиус

(Вольный перевод из Мольеровой комедии «Les femmes savantes»)

Действие 3. Явление 5.

Вадиус

Вы истинный поэт! скажу вам беспристрастно,

Триссотин

Вы сами рифмы плести умеете прекрасно.

Вадиус

Какой высокий дух в поэзии у вас!

Я часто вашу мысль отгадываю в час.

Триссотин

5 А ваш в эклогах стих так прост, невинен, плавен!

И самый Теокрит едва ль вам будет равен.

Вадиус

Ах! в ваших басенках не меньше красоты;

Мы как условились срывать одни цветы.

Триссотин

Но ваши буриме... о! это верх искусства!

Вадиус

10 А в ваших мелочах какой язык и чувства!

Триссотин

Когда б отечество хотело вас ценить...

Вадиус

Когда б наш век умел таланты ваши чтить,

Триссотин

Конечно б вас листом похвальным наградили.

Вадиус

А вам бы монумент давно соорудили.

Триссотин

15 Дождемся, может быть. — Хотите ль, мой поэт,
Послушать строфы две?

Вадиус

Прочеть ли вам сонет

На прыщик Делии?

Триссотин

Ах! мне его читали.

Вадиус

Известен автор вам?

Триссотин

Прозванья не сказали,

Но видно по стихам, что он семинарист:

20 Какие плоскости! Язык довольно чист,
Но вкуса вовсе нет; вы согласитесь сами.

Вадиус

Однако ж он хвалим был всеми знатоками.

Триссотин

А я и вам и им еще сказать готов,

Что славный тот сонет собранье рифм и слов,

Вадиус

25 Немного зависти...

Триссотин

Во мне? избави боже!

Завидовать глупцам и быть глупцом — всё то же,

Вадиус

Сонет, сударь, хорош, скажу вам наконец;

А доказательство... я сам его творец.

Триссотин

Вы?

Вадиус

30 Я.

Триссотин

Не может быть, по чести, это чудо!

Конечно, мне его читали очень худо,

Иль я был развлечен — Но кончим этот спор;

Я вам прочту рондо.

Вадиус

Парнасский, старый сор,

35 Над коим лишь себя педантам сродно мучить.

Триссотин

Так, следственно, и вам не может он наскучить.

Вадиус

Прошу, сударь, своих имен мне не давать.

Триссотин

Прошу и вас равно меня не унижать.

Вадиус

Пошел, тащись, тугой, надутый умоборец!

Триссотин

40 Пошел, ползи ты сам, водяной рифмотворец!

Вадиус

Пачкун!

Триссотин

Ветошник!

Вадиус

Враль!

Триссотин

Ругатель под рукой!

Вадиус

Когда бы не был трус, ты был бы сам такой.

Триссотин

Пошел проветривать лежалые творенья!

Вадиус

45 А ты ступай, беги просить у муз прощенья
За нестерпимый свой, проклятый перевод,
За изувеченье Горация...

Триссотин

Урод!

А ты каков с твоим классическим поэтом?

Стыдись пред справщиком, стыдись пред целым светом!

Вадиус

Но ни один журнал меня не оглашал,

50 А ты уже давно добычей критик стал.

Триссотин

Я тем-то и горжусь, рифмач, перед тобою,

Во всех журналах ты пренебрежен с толпою

Вралей, которые не стоят и суда,

А я на вострие пера их завсегда,

55 Как их опасный враг!

Вадиус

Так будь и мой отныне

Сейчас иду писать в стихах о Триссотине!

Триссотин

И только их прочтут, зеваючи, друзья.

Пожалуй, мучь себя, не испугаюсь я

И гряну сам в стихах!

Вадиус

А мы им посмеемся.

Триссотин

60 Довольно! я молчу, на Пинде разочтемся!

10. Milonov, Michail V.

К Неере (Подражаніе трет'ей Тибулловой Элегіи.) (1812)

Къ Неерѣ

(Подражаніе трет'ей Тибулловой Элегіи.)

- Предъ украшенными почто я олтарями,
Неера, возжигаль куренія богамъ
И ихъ бесплодными обременяль мольбами,
Коль ты не предстаешь Тибулловымъ очамъ?
5 Не требоваль отъ нихъ чертоговъ я огромныхъ,
Ни стадъ безчисленныхъ, ни злата, ни честей,
Нееры лишъ просиль въ моихъ желаньяхъ скромныхъ,
И жизни долгія дерзаль молить при ней!
Къ чему послужить мнѣ богатство бесполезно,
10 Безчисленны стада, бродящи по лугамъ?
Съ тобой, Неера, мнѣ убожество любезно!
Пусть въ бѣдности сойду я Леты къ берегамъ:
Что въ тучныхъ мнѣ стадахъ, что въ благодсти Цереры,
Въ семь златѣ, что земля во глубинѣ своей
15 Воцще хотѣла скрыть отъ алчности людей?
Что всѣ сокровища Тибуллу безъ Нееры?
Не нужны для него ни зданія богаты,
Фригійски мраморы, Сидонское руно...
Они не отвратятъ полки заботъ крылаты,
20 Спокойствіе души съ богатствомъ не дано! –
Другъ сердца моего! единаго мгновенья
Восторговъ нашихъ я отдать не соглашусь
За всѣ премѣнчивой фортуны обольщенья,
И самой, безъ тебя, короны отрекусь!...
25 О боги, вы обѣтъ внемлите мой смиренный,
Пусть блеска, пышности и всѣхъ даровъ лишенный,
Я въ хижинѣ отцевъ, древесъ родныхъ въ тѣни,
Съ Неерой дни веду, съ Неерой кончу дни!

О дщерь Сатурнова! внемли мои моления,
30 И ты прелестная Киприда къ нимъ склонись,
Съ эфирной высоты небеснаго селенья,
На крыльяхъ голубиць въ блистаніи снесись –
Отдай души моей дражайшу половину;
И съ свѣтомъ утреннимъ и съ позднею зарей,
35 Я буду чувствовать тебя, мою богиню,
Обильной жертвою средь отческихъ полей –
Когда же Парки мнѣ, согбенныя лѣтами,
Три грозныя сестры, что смертныхъ жизнь блюдутъ,
Нить дней моихъ прядя изсохшими перстами,
40 Свиданья сладкаго сего не прорекутъ –
Сошли меня тогда во пропасти подземны,
Гдѣ тѣни блѣдныя, гдѣ Фурии однѣ,
Въ обители свои меня приѣмля темны,
Пришельцу новому возрадуются мнѣ! –

М. Милоновъ.

Vesna Tibulla (1812)

Весна Тибулла

Ужъ таютъ на поляхъ снѣга,
Дожди спадаютъ благодатны,
И снова вѣют на луга
Весенни вѣтры ароматны;
5 Одѣлись холмы красотой,
Бѣжитъ ручей сверкая въ полѣ,
Все разцвѣтаетъ вновь съ весной:
Тибулль не разцвѣтет ужъ болѣ.

Зазелѣнѣлъ высокій лѣсъ,

10 И пробужденна Филомела
Въ весенней ясности небесъ
Порхая пѣснь любви запѣла,
Вновь съ другомъ сердца своего
Дѣлится восторгъ въ щастливой долѣ:
15 Но ты, Тибулль, но ты ужь болѣ
Не встрѣтишь друга твоего.

Поютъ любовь пернатыхъ лики,
Пора настала ихъ забавъ;
Пустынныхъ дерей звѣри дики
20 Смягчаютъ свой свирѣпый нравъ;
Краса сокрылась дровъ подь тѣнью,
Восторгъ и нѣга дышутъ съ ней;
Но въ горестной душѣ твоей,
Тибулль, нѣтъ мѣста восхищенью!

25 Ты зрѣлъ ли преклоненный вязъ
Лишенный листьевъ, опаленный,
Котораго перунъ потрясъ
Низпавъ со тверди воспаленной?
Всего лишася онъ готовъ
30 Чрезъ мигъ печально пасть въ долинѣ:
Тибулль, потребноль болѣ словъ
Что бь о твоей вѣщать судьбинѣ?

М.

11. Batjuškov, Konstantin N.

Élegija iz Tibulla. (Vol'nyj perevod.) (1814)

Елегія изъ Тибуллы.

(Вольный переводъ.)

- Мессала! безъ меня ты мчишься по волнамъ
Съ орлами Римскими къ восточнымъ берегамъ;
А я въ Феакіи, оставленный друзьями,
Ихъ заклинаю всѣмъ, и дружбой и богами,
5 Тибулла забыть въ далекой сторонѣ.
Здѣсь Парка блѣдная конецъ готовить мнѣ,
И жизнь мою прерветъ безжалостной рукою...
Неумолимая! нѣтъ матери со мною!
Кто будетъ принимать мой пепель отъ костра?
10 Кто будетъ безъ тебя, о милая сестра!
За гробомъ слѣдовать въ одеждѣ погребальной,
И миро изливать надъ урною печальной?
Нѣтъ друга моего, нѣтъ Деліи со мной!
Она и въ самый часъ разлуки роковой
15 Обряды тайные и чары совершала,
Въ священномъ ужасѣ безсмертныхъ вопрошала;
И отрокъ счастливый намъ жребій вынималъ.
Что пользы отъ того? Часъ гибельный насталь
И снова Деліа печальна и уныла
20 Слезами полный взоръ невольно обратила
На дальній путь. Я самъ, лишенный скорбью силъ,
Утѣшься, Деліи сквозь слезы говорилъ,
Утѣшься! и еще съ невольнымъ трепетаньемъ
Печальную лобзаль послѣднимъ лобызаньемъ.
25 Казалось, нѣкій богъ меня останавливалъ:
То воронъ мнѣ бѣду внезапно предвѣщаль,
То въ день отцу боговъ, Сатурну посвященный,
Я слышалъ громъ глухой за рощей отдаленной...

О вы, которые умѣете любить!
30 Страшится любовь разлукой прогнѣвить!

Но, Делія, къ чему Изидѣ приношенья,
Сіи въ ночи глухой протяжны пѣснопѣнья,
И волхвованье жриць и мѣди звучной стонъ?
Къ чему, о Делія! в безбрачномъ ложѣ сонъ
35 И очищенія священной водою?
Все тщетно, милая, Тибулла нѣтъ съ тобою!
Богиня грозная! спаси его отъ бѣдъ,
И снова Делія мастики принесетъ,
Украститъ дивный храмъ весенними цвѣтами,
40 И съ распущенными по вѣтру волосами,
Какъ дѣва чистая, во ткань облечена,
Воссядетъ на помость; и звѣзды и луна
До восхожденія румяныя Авроры
Услышать гласъ ея и жриць Фарійскихъ хоры.
45 Отдай, богиня, мнѣ родимыя поля,
Отдай знакомый шумъ домашняго ручья,
Отдай мнѣ Делію; и вамъ дары богаты
Я въ жертву принесу, о Лары и Пенаты!

За чѣмъ мы не живемъ въ златыя времена!
50 Тогда безпечныя народовъ племена
Путей среди лѣсовъ и горъ непролагали
И раломъ никогда полей нераздирали;
Тогда немчалась ель на легкихъ парусахъ,
Несома вѣтрами въ лазоревыхъ моряхъ,
55 И кормчій недерзалъ по хлябямъ разъяреннымъ
Съ Сидонскимъ багрецомъ и съ золотомъ безцѣннымъ
На утломъ кораблѣ скитаться здѣсь и тамъ;
Дебелый волъ бродилъ свободно по лугамъ,
Топталъ душистый злакъ и спалъ въ тѣни зеленой;
60 Конь борзый не кропилъ узды кровавой пѣной;

Незрѣли на поляхъ столповъ и рубежей,
И кущи сельскія стояли безъ дверей;
Медь капаль изъ дубовъ янтарною слезою;
Въ сосуды молоко обильною струею
65 Лилося изъ сосцевъ питающихъ овецъ.
О мирны пастыри, въ невинности сердець
Безпечно жившіе среди пустынь безмолвныхъ!
При васъ на пагубу друзей единокровныхъ
На наковальнѣ млатъ не изваялъ мечей,
70 И ратникъ негремѣлъ оружіемъ средь полей.
О вѣкъ Юпитеровъ! о времена несчастны!
Война, вездѣ война, и гладъ и моръ ужасный;
Повсюду рыщетъ смерть на сушѣ, на водахъ...
Но ты, держащій громъ и молнію въ рукахъ!
75 Будь мирному пѣвцу, Тибуллу благосклоненъ!
Ни словомъ, ни душой я не былъ вѣроломъ
Я съ трепетомъ боговъ отчизны обожалъ,
И если мой конецъ безвременный насталъ, —
Пусть камень обо мнѣ прохожимъ возвѣщаетъ:
80 „Тибулль, Мессалы другъ, здѣсь съ миромъ почиваетъ“.

Единственный мой богъ и сердца властелинъ!
Я былъ твоимъ жрецомъ, Киприды милый сынъ!
До гроба я носилъ твои оковы нѣжны,
И ты, Амуръ, меня въ жилища безмятежны
85 Въ Елизій проведешь таинственной стезей,
Туда, гдѣ вѣчный Май межъ рощей и полей,
Гдѣ разцвѣтаетъ нардь и киннамона лозы
И воздухъ напоенъ благоуханьемъ розы;
Тамъ слышно пѣнье птицъ и шумъ біющихъ водъ;
90 Тамъ дѣвы юныя, сплетая въ хороводъ,
Мелькаютъ межъ древесъ, какъ легки привидѣнья,
И тотъ, кого постигъ, въ минуту упоенья,
Въ объятіяхъ любви, неумолимый рокъ,

Тотъ носить на челѣ изъ свѣжихъ миртъ вѣнокъ. —
95 А тамъ внутри земли, во пропастьяхъ ужасныхъ,
Жилище вѣчное преступниковъ несчастныхъ!
Тамъ рѣки пламенны сверкають по пескамъ.
Мегера страшная и Тизифона тамъ
Съ челомъ опутаннымъ шипящими змїями,
100 Бѣгутъ на дикій берегъ за блѣдными тѣнями.
Гдѣ скрыться? Адскій песъ лежитъ у мѣдныхъ вратъ;
Рыкаеть зѣвъ его... и рой тѣней назадъ!..
Богами ввержены во пропасти бездонны,
Ужасный Енкеладъ, и Тифїй преогромный
105 Питаетъ жадныхъ птицъ утробою своей;
Тамъ хищный Иксїонъ, окованный змїей,
На быстромъ колесѣ вертится безконечно;
Тамъ съ жаждой пламенной Танталъ безчеловѣчной
Надъ хладною рѣкой сгараеть и дрожить;
110 Все тщетно! вспять вода коварная бѣжитъ
И черпають ее напрасно Данаиды;
Всѣ жертвы вѣчныя карающей Киприды.

Пусть тамъ страдаетъ тотъ, кто рушилъ нашъ покой
И разлучаль меня, о Делїя, съ тобой!
115 Но ты мнѣ будь вѣрна, другъ милой и безцѣнной,
И въ мирной хижинѣ, отъ взоровъ сокровенной,
Съ наперсницей любви, съ подругою твоей,
На мигъ непокидай домашнихъ олтарей!
При шумѣ зимнихъ вьюгъ, подъ сѣнью безопасной,
120 Подруга въ темну ночь зазжетъ свѣтильникъ ясной,
И тихо вретено кружа въ рукѣ своей
Разскажетъ повѣсти и были старыхъ дней,
А ты, склоняя слухъ на сладки небылицы,
Забудешься, мой другъ, и томныя зѣницы
125 Закроеть тихій сонъ, и пряслица изъ рукъ
Падеть... и у дверей предстанеть твой супругъ,

Какъ небомъ посланный внезапно добрый Геній.
Бѣги на встрѣчу мнѣ, бѣги изъ мирной сѣни,
Въ прелестной наготѣ явись моимъ очамъ,
130 Власы разсѣянны небрежно по плечамъ,
Вся грудь лилейная и ноги обнаженны...

Когдажъ Аврора намъ, когда сей день блаженный
На розовыхъ коняхъ, въ блистаньи принесеть,
И Делію Тибуллъ въ восторгъ обойметъ?

Батюшковъ.

Poslednjaja vesna (1815)

Последняя весна

В полях блистает май веселый!
Ручей свободно зажурчал,
И яркий голос филомелы
Угрюмый бор очаровал:
5 Всё новой жизни пѣет дыханье!
Певец любви, лишь ты уныл!
Ты смерти верной предвещанье
В печальном сердце заключил;
Ты бродишь слабыми стопами
10 В последний раз среди полей,
Прощаясь с ними и с лесами
Пустынной родины твоей.
«Простите, рощи и долины,
Родные реки и поля!
15 Весна пришла, и час кончины
Неотразимой вижу я!
Так! Эпидавра прорицанье

Вещало мне: в последний раз
Услышишь горлиц воркованье
20 И гальционы тихий глас;
Зазеленеют гибки лозы,
Поля оденутся в цветы,
Там первые увидишь розы
И с ними вдруг увянешь ты.
25 Уж близок час... Цветочки милы,
К чему так рано увядать?
Закройте памятник унылый,
Где прах мой будет истлевать;
Закройте путь к нему собою
30 От взоров дружбы навсегда.
Но если Делия с тоскою
К нему приблизится, тогда
Исполните благоуханьем
Вокруг пустынный небосклон
35 И томным листьев трепетаньем
Мой сладко очаруйте сон!»
В полях цветы не увядали,
И гальционы в тихий час
Стенанья рощи повторяли;
40 А бедный юноша... погас!
И дружба слез не уронила
На прах любимца своего;
И Делия не посетила
Пустынный памятник его,
45 Лишь пастырь, в тихий час денницы,
Как в поле стадо выгонял,
Унылой песнью возмущал
Молчанье мертвое гробницы.

12. Goleniščev-Kutuzov, Pavel I.

Tretija Èlegija Tibulla. (1815)

Третія Элегія Тибулла.

- Мессала! Безъ меня плывешь въ Эгейскомъ морѣ!
Молю боговъ, да ты и сущіе съ тобой
Вспомните о мнѣ, живущемъ въ тяжкомъ горѣ
Во мрачной сторонѣ, безвѣстной и пустой.
5 О смерть! не угрожай твоей десницей жадной,
Позволь мнѣ жить, когда нѣтъ матери со мной,
Могущей погребсти мой трупъ бездушный, хладной;
Нѣтъ также и сестры, котораябъ съ тоской,
Съ душой прискорбною и горькими слезами
10 Могилу мрачную осыпала цвѣтами.

- О сколько Делія молилася богамъ,
Со вопрошеніемъ Авгуровъ троекратно;
Не вѣрила она гадательнымъ словамъ,
Хотя извѣстіе давали ей пріятно,
15 Что скоро возвращусь; и взоръ ея всегда
Въ унылой томности на путь мой обращался.
Я скорбь ея дѣла, страдая самъ тогда,
Отшествіе мое отсрочивать старался.
Мнѣ самый птицъ полеть противности являлъ,
20 Сатурнъ предвѣстіемъ меня останавлилъ;
Отъѣхавъ, много разъ взывалъ я, но ужъ поздно;
Предвозвѣщается нещастіе мнѣ грозно:
Сколь бѣденъ тотъ, кто въ путь идетъ, презрѣвъ любовь!
Не будетъ онъ имѣть подпоры отъ боговъ.
25 Скажи мнѣ, Делія: Изида гдѣ сокрылась,
Отъ коей помощи съ надеждой ты ждала?
По что въ моленяхъ ты, въ служеніи томилась
И множество ночей толь скучно провела?

Богиня! обрати ко мнѣ всесильны очи!
30 Картинами чудесъ украшенъ весь твой храмъ,
Готова Дилія провести и дни и ночи
Моляся, и тебѣ сжигая фиміамъ.
Она, бѣлѣйшею волною облеченна,
Придетъ на твой помость и будетъ тамъ сидѣть,
35 И вкупѣ съ жрицами твоими съедиенна,
Двукратно въ день хвалы тебѣ потщится пѣнь.
Желалъ бы я боговъ отеческихъ прославить,
Желалъ бы фиміамъ чистѣйшій имъ представить.
Сколь жили щастливо въ Сатурновъ древній вѣкъ!
40 Не раздиралъ земли сохою человекъ,
Не видно было водъ, отъ сосны отягченныхъ,
Ниже развѣянныхъ по вѣтру парусовъ,
Ниже корыстію народовъ устремленныхъ
Къ дальнѣйшимъ берегамъ для выгодныхъ торговъ.
45 Тогда тучнѣйшій воль, послѣдую Природѣ,
Подъ тягостный яремъ главы не преклонялъ;
Конь быстрый, рыщущій въ весельѣ и свободѣ,
Узды жестокія въ устахъ не ощущалъ;
Хоть не было дверей, но дома были цѣлы;
50 Не нужны для полей считалися предѣлы;
Медь сладкій истекалъ на землю изъ дубовъ;
Обильно у овецъ млеко текло въ сосцовъ.
Война, убійство, брань, въ то время васъ не знали;
Желѣза въ острые мечи не превращали.
55 О вѣкъ Юпртеровъ! ты всѣ навлекъ бѣды,
И въ морѣ и въ землѣ открыла смерть слѣды.
Но пощади меня! я клятвамъ пребылъ вѣренъ,
Не осквернялъ никакъ я устъ моихъ хулой;
Когдажъ мой часъ насталь, когда мой вѣкъ измѣренъ,
60 Желая надписи надгробной таковой:
«Здѣсь погребенъ Тибуллъ; онъ былъ сраженъ судьбами,
«Мессалъ слѣдуя землею и морями.»

Но такъ какъ вѣрно я всегда хранилъ любовь,
Венера поведетъ меня въ поля прекрасны,
65 Гдѣ слышны пѣнія пріятны и согласны;
Гдѣ вѣчная весна блистаетъ средь цвѣтовъ,
Гдѣ благовонная корица возрастаетъ,
Гдѣ роза свѣжая всегда благоухаетъ,
Гдѣ юношей толпы, съ дѣвицами въ кругу
70 Смѣшавшись, рѣзвятся, вертятся на лугу.
Коль умеръ кто любя, тотъ странъ сихъ достигаетъ;
И миртовый вѣнокъ въ награду получаетъ;
Но въ мрачный нѣкій край преступникъ осужденъ,
Кочитомъ чернымъ онъ отсюда огражденъ;
75 Тамъ лютой грозной стражъ всѣхъ лаемъ ужасаетъ,
Къ пещерѣ мрачной онъ цѣпями пригвожденъ;
Тамъ воплями страшитъ жестока Тизифона;
Тамъ зрятся въ колесѣ всѣ члены Иксіона;
Тамъ Тифій, коршуновъ питающій собой;
80 Тамъ жаждущій Танталъ, дрожащій надъ водой,
Котору черпаютъ всечасно Данаиды,
Что стали жертвою Венериной обиды.

Въ ужасныхъ сихъ мѣстахъ вовѣки тотъ живи,
Кто брани мнѣ желалъ, былъ врагъ моей любви!

85 О Делія! пребудь вѣрна, благополучна;
Пусть добрая тебя старуха соханить,
Пребудетъ завсегда съ тобою неразлучна;
Пусть сказками тебя всечасно веселить;
А ты, ихъ слыша, въ сонъ пріятный погрузишься,
90 Внезапно возвращусь, когда не будешь ждать.
О сколько ты тогда въ восторгѣ удивишься!
Прощу тебя ко мнѣ на встрѣчу поспѣшать;
Бѣги ко мнѣ, волосы имѣя распущенны,
Лежащи по плечамъ, и ноги обнаженны,

95 И въ безпорядкѣ семъ твой видъ меня плѣнить.
Когдажь заря сей день мнѣ красный возвѣститъ?

Голенищевъ-Кутузовъ

13. Vjazemskij, Petr A.

К подруге (1815)

К подруге

- От шума, от раздоров,
Гостинных сплетен, споров,
От важных дураков,
Забавников докучных
5 И вечных болтунов,
С злословьем неразлучных,
От жалких пастушков,
При дамских туалетах
Вздыхающих в сонетах;
10 От критиков-слепцов,
Завистников талантов,
Нахмуренных педантов,
Бродящих фолиантов,
Богатых знаньем слов;
15 От суетного круга,
Что прозван свет большой,
О милая подруга!
Укроемся со мной.
Простись с блестящим светом,
20 Приди с своим поэтом,
Приди под кров родной,
Счастливый и простой;
Где счастье неизменно
И дружбой крыл лишенно
25 Нас угостит с тобой!
Хотя мы жили мало,
Но в вихре юных лет
Нас горе испытало,
И, по морю сует

30 Пловцы неосторожны,
Мы часто брали ложный
Путь гибели и бед
За верный и надежный,
Казавший к благу след.

35 И там с бедой встречались,
Где мы найти ласкались
И счастье, и покой.
О друг бесценный мой!
Испытанное горе

40 Забвению предадим,
И треволнений море
Уступим мы другим.
Дар редкий, особливый,
С небес необходим,

45 Чтоб управлять счастливо
На нем челном своим.
Что ж делать? не имеем
Искусства мы сего;
Зато, мой друг, умеем

50 Прожить и без него.
Уже воображенье
Сближает отдаленье
Мне тех счастливых дней,
Когда уединенье,

55 Покой и размышленье
Смирят души смятенье,
И усыпят страстей
Коварное волненье!
Уже среди полей,

60 Украшенных природой,
Я, свергнув плен цепей,
Горжусь своей свободой,
И восхищаюсь ей,

Как пленник освобожденный,
65 В отчизну возвращенный
От вражеских берегов,
С восторгом внемлет пенью
Знакомых голосов
И веселится тенью
70 Родительских дубов.
Уже тебя мечтою
Я, утренней порою,
Бегущей вижу в сад,
Для неги и прохлад
75 И Флорой и тобою
Украшенный стократ!
Твой утренний наряд,
И скромный и прелестный,
Меж зелени древесной
80 Белеется вдали, —
Ты всё обзираешь:
Здесь мирты поливаешь,
Гвоздику расправляешь,
Склоненную к земли;
85 А там тропу от спальни
К беседке у купальни
Прокладываешь ты!
Но воздух тмится паром,
И солнце пышет жаром
90 С лазурной высоты;
Тут ты работы бросишь,
И розу мне приносишь —
Подобие себя!
Но, ах! могу ли я
95 Грядущего картину
Искусною рукой
Представить пред тобой?

Нет! разве тень едину
Тебе изображу;
100 Нет, разве половину
Я радостей скажу,
Которые нас встретят,
Украсят и осветят
Смиранный наш приют!
105 С волшебной быстротою
Дни резвые бегут:
Меж утренней зарею
И сумрачной порою
Лишь несколько минут
110 Сочтем, мой друг, с тобою!
Тогда как в тех домах,
Где гордость с суетою
И подлость, впопыхах,
Одна перед другою
115 В натянутых словах
Невольны открывают
Всю скуку, что питают
В изношенных душах,
Едва тащится время
120 И каждый миг, как бремя,
Тягчится на плечах.
Быть может, к нам в обитель
Заманим мы друзей:
И тишины любитель,
125 И младости моей
Наставник и хранитель,
Бессмертной Клии сын,
Трудами утомленный,
Под кров уединенный
130 Придет вкусить покой;
И, может быть, молодой

Наперсник фей и граций,
Веселый, как Гораций,
И сумрачный порой,
135 Как самый Громобой,
В полночи ненастной
Балладою ужасной
Придет нас восхищать,
И внемлющих безгласно
140 И трогать, и пугать;
А с ним и сладострастный
Цитерских битв певец,
Тибулл наш сладкогласный,
И гражданин, и жрец
145 Благословенной Книды,
От Марса и Киприды
Приявший свой венец,
Быть может, к нам в дубравы
Перенесет Тибур
150 И, сердцем Эпикур,
Все обольщенья славы
И шумные забавы
Столицы между нас
Придет забыть на час.
155 О дружба! жизни радость,
Твою святую сладость
Из детства выше всех
Я почитал утех!
Всегда была ты страстью
160 Души моей младой,
И трудный путь ко счастью
Мне проложен тобой.
О дружба! весь я твой.
И на одре недуга
165 Я, в час мой роковой,

Хочу коснуться друга
Трепещущей рукой!
И сим прикосновеньем
Как будто возрожден,
170 С надеждой, с утешеньем
Я встречу смерти сон.

„Veselyj šum, pen'ë i smeči...“ (1815)

Веселый шум, пеньё и смехи,
Обмен бутылок и речей;
Так празднует свои потехи
Семья пирующих друзей.
5 Всё искрится — вино и шутки!
Глаза горят, светлеет лоб,
И зачастую, в промежутки,
За пробкой пробка хлоп да хлоп!

Хор

Подобно, древле, Ганимеду,
10 Возьмемся дружно, заодно.
И наливай сосед соседу:
Сосед ведь любит пить вино!

Денис! Тебе почет с поклоном,
Первоприсутствующий наш!
15 Командуй нашим эскадроном
И батареей крупных чаш.
Правь и беседой, и попойкой;
В боях наездник на врагов,
Ты партизан не меньше бойкой
20 В горячей стычке острых слов.

Хор

Подобно, древле, Ганимеду и проч.

А вот и наш Американец!
В день славный, под Бородиным,
Ты храбро нес солдатский ранец
25 И щеголял штыком своим.
На память дня того Георгий
Украсил боевую грудь;
Средь наших мирных, братских оргий
Вторым ты по Денисе будь!

Хор

30 Подобно, древле, Ганимеду и проч.

И ты, наш меланхолик милый,
Певец кладбища, русский Грей!
В венке из свежих роз с могилы,
Вином хандру ты обогрей!
35 Но не одной струной печальной
Звучат душа твоя и речь.
Ты мастер искрой гениальной
И шутку пошлую поджечь.

Хор

Подобно, древле, Ганимеду и проч.

40 Ключа Кастальского питомец
И классик с головы до ног!
Плохой ты Вакху богомолец,
И нашу веру пренебрег
По части рюмок и стаканов;
45 Хоть между нами ты профан,
Но у тебя есть свой Буянов:

Он за тебя напьется пьян.

Хор

Подобно, древле, Ганимеду и проч.

Законам древних муз подвластный,
50 Тибулла нежный ученик!
Ты Юга негой сладострастной
Смягчил наш северный язык.
Приди — и чокнемся с тобою,
Бокал с бокалом, стих с стихом,
55 Как уж давно, душа с душою,
Мы побратались родством.

Хор

Подобно, древле, Ганимеду и проч.

Нас дружба всех усыновила,
Мы все свои, мы все родня,
60 Лучи мы одного светила,
Мы искры одного огня.
А дни летят, и без возврата!
Как знать? быть может, близок час,
Когда того ль, другого ль брата
65 Недосчитаемся средь нас.

Хор

Пока, подобно Ганимеду,
Возьмемся дружно, заодно.
Что ж? Наливай сосед соседу:
Сосед ведь любит пить вино.

14. Puškin, Aleksandr S.

Delia (1814-1816)

Делия

- Ты ль передо мною,
Делия моя!
Разлучен с тобою —
Сколько плакал я!
- 5 Ты ль передо мною,
Или сон мечтою
Обольстил меня?
- Ты узнала ль друга?
Он не то, что был;
10 Но тебя, подруга!
Все ж не позабыл —
И твердит унылый:
«Я любит ли милой,
Как, бывало, был?»
- 15 Что теперь сравнится
С долею моей!
Вот слеза катится
По щеке твоей —
Делия стыдится?..
- 20 Что теперь сравнится
С долею моей!

Batjuškovi (1815)

Батюшкову

В пещерах Геликона
Я некогда рожден;
Во имя Аполлона
Тибуллом окрещен,
5 И светлой Иппокреной
С издетства напоенный
Под кровом вешних роз,
Поэтом я возрос.

Веселый сын Эрмия
10 Ребенка полюбил,
В дни резвости златые
Мне дудку подарил.
Знакомясь с нею рано,
Дудил я непрестанно;
15 Нескладно хоть играл,
Но Музам не скучал.

А ты, певец забавы
И друг Пермесских дев,
Ты хочешь, чтобы, славы
20 Стезею полетев,
Простясь с Анакреоном,
Спешил я за Мароном
И пел при звуках лир
Войны кровавый пир.

25 Дано мне мало Фебом:
Охота, скудный дар.
Пою под чуждым небом,
Вдали домашних Лар,
И, с дерзостным Икаром
30 Страшась летать не даром,
Бреду своим путем:

Будь всякой при своем.

К Делии (1815/16)

К Делии

О Делия драгая!
Спеши, моя краса;
Звезда любви золотая
Взошла на небеса;
5 Безмолвно месяц покотился;
Спеши, твой Аргус удалился,
И сон сомкнул его глаза.

Под сенью потаенной
Дубравной тишины,
10 Где ток уединенный
Сребристые волны
Журчит с унылой Филомелой,
Готов приют любви веселый
И блеском освещен луны.

15 Накинут тени ночи
Покровы нам свои,
И дремлют сени рощи,
И быстро миг любви
Летит, — я весь горю желаньем,
20 Спеши, о Делия! свиданьем,
Спеши в объятия мои.

„Ljubov' odna – vesel'e žizni chladnoj...“ (1816)

Любовь одна — веселье жизни хладной,
Любовь одна — мучение сердец.
Она дарит один лишь миг отрадней,
А горестям не виден и конец.

5 Стократ блажен, кто в юности прелестной
Сей быстрый миг поймает на лету;
Кто к радостям и неге неизвестной
Стыдливую преклонит красоту!

Но кто любви не жертвовал собою?
10 Вы, чувствами свободные певцы!
Пред милыми смирялись вы душою,
Вы пели страсть — и гордою рукою
Красавицам несли свои венцы.
Слепой Амур, жестокий и пристрастный,
15 Вам терния и мирты раздавал;
С пермесскими царицами согласный,
Иным из вас на радость указал;
Других навек печалью связал
И в дар послал огонь любви несчастной.

20 Наследники Тибулла и Парни!
Вы знаете бесценной жизни сладость;
Как утра луч, сияют ваши дни.
Певцы любви! младую пойте радость,
Склонив уста к пылающим устам,
25 В объятиях любовниц умирайте;
Стихи любви тихонько вздыхайте!...
Завидовать уже не смею вам.

Певцы любви! вы ведали печали,
И ваши дни по терниям текли;
30 Вы свой конец с волненьем призывали;

Пришел конец, и в жизненной дали
Не зрели вы минутную забаву;
Но, не нашед блаженства ваших дней,
Вы встретили по крайней мере славу,
35 И мукою бессмертны вы своей!

Не тот удел судьбою мне назначен:
Под сумрачным навесом облаков,
В глуши долин, в печальной тьме лесов,
Один, один брожу уныл и мрачен.
40 В вечерний час над озером седым
В тоске, слезах нередко я стенаю;
Но ропот волн стенаниям моим
И шум дубрав в ответ лишь я внимаю.
Прервется ли души холодный сон,
45 Поэзии зажжется ль упоенье, —
Родится жар, и тихо стынет он:
Бесплодное проходит вдохновенье.
Пускай она прославится другим,
Один люблю, — он любит и любим!...
50 Люблю, люблю!... но к ней уж не коснется
Страдальца глас; она не улыбнется
Его стихам небрежным и простым.
К чему мне петь? под кленом полевым
Оставил я пустынному зефиру
55 Уж навсегда покинутую лиру,
И слабый дар как легкий скрылся дым.

Š<iško>vu (1816)

Ш<шко>ву

Шалун, увенчанный Эратой и Венерой,

Ты ль узника манишь в владения свои,
В поместье мирное меж Пиндом и Цитерой,
Где нежился Тибулл, Мелецкий и Парни?
5 Тебе, балованный питомец Аполлона,
С их лирой соглашать игривую свирель:
Веселье резвое и нимфы Геликона
Твою счастливую качали колыбель.
Друзей любить открытою душою,
10 В молчаньи чувствовать, пленяться красотою —
Вот жребий мой; ему я следовать готов,
Но, милый, сжался надо мною,
Не требуй от меня стихов!
Не вечно нежиться в приятном ослеплении:
15 Докучной истины я поздний вижу свет.
По доброте души я верил в упоеньи
Мечте шепнувшей: ты поэт,—
И, презря мудрые угрозы и советы,
С небрежной леностью нанизывал куплеты,
20 Игрушкою себя невинной веселил;
Угодник Бахуса, я, трезвый меж друзьями,
Бывало, пел вино водяными стихами;
Мечтательных Дорид и славил и бранил,
Иль дружбе плел венок, и дружество зевало
25 И сонные стихи в просонках величало.
Но долго ли меня лелеял Аполлон?
Душе наскучили парнасские забавы;
Не долго снились мне мечтанья муз и славы;
И, строгим опытом невольно пробужден,
30 Уснув меж розами, на тернах я проснулся,
Увидел, что еще не гения печать —
Охота смертная на рифмах лепетать,
Сравнив стихи твои с моими, улыбнулся:
И полно мне писать.

15. Vjazemskij, Petr A.

К Батюшкову (1816)

К Батюшкову

Мой милый, мой поэт,
Товарищ с юных лет!
Приду я неотменно
В твой угол, отчужденный
5 Презрительных забот,
И шума, и хлопот,
Толпящихся бессменно
У Крезовых ворот.
Пусть, златом не богаты,
10 Твоей смиренной хаты
Блюстители-пенаты
Тебя не обрекли
За шумной колесницей
Полубогов земли
15 Тащить шаги твои,
И в дом твой не ввели
Фортуны с вереницей
Затейливых страстей.
Пусть у твоих дверей
20 Привратник горделивый
Не будет с булавой
Веселости игривой
Отказывать, спесивой
Качая головой;
25 А скуке, шестерней
Приехавшей шумливо
С гостями позевать,
Дверь настезь растворять
Рукою торопливой!

30 И пусть в прихожей звон
О друге не доложит;
Но сердце, статья может,
Шепнет тебе: вот он!
Пусть в храмине опрятной,
35 Уютной и приятной
Для граций и друзей,
Слепить не будут взоров
Ни выделка уборов —
Труд тысячи людей, —
40 Ни белизна фарфоров,
Ни горы хрусталей,
Сияющих, но бранных,
Как счастье прилепленных
К их блеску богачей,
45 Фортуны своенравной
Балованных детей!
Природа-мать издавна
Поэтам избрала
Тропинку здесь простую,
50 Посредственность златую
В подруги им дала.
Виргилия приятель,
Любимый наш певец,
Не приторный ласкатель,
55 Не суетный мудрец,
Гораций не был знатным,
Под небом благодатным,
Тибурских рощ в тени
Он радостные дни
60 Умеренности ясной
С улыбкой посвящал,
Друг Делии прекрасной,
Богатства не желал.

И староста Пафоса,
65 Девицами Теоса
При седилах увит,
Не в мраморных чертогах,
Не при златых порогах
Угащивал харит!
70 Стихов своих игривых
Мне свиток приготовь,
Стихов красноречивых,
И пылких и счастливых,
Где дружбу и любовь
75 Ты, сердцем вдохновенный,
Поешь непринужденно,
И где пленяешь нас
Не громом пухлых фраз
Раздутых Цицеронов,
80 Не пискотнею стонов
Тщедушных селадонов,
Причесанных в тупей,
И не знобящим жаром,
Лирическим угаром
85 Пиндаров наших дней!
Расколом к смертной казни
Приговоренный Вкус,
Наставник лучший муз,
Исполненный боязни,
90 Укрылся от врагов
Под твой счастливый кров.
Да будет неотлучно
Тебя он осенять,
Да будет охранять
95 Тебя от шайки скучной
Вралей, вестовщиков,
И прозы и стихов

Работников поденных,
Невежеством клейменных
100 Пристрастия рабов!
Да, убоясь бога,
Живущего с тобой,
Дверей твоих порога
Не осквернят ногой.
105 Да упадет дорога
К тебе, любимец мой,
Сей сволочи бездумной,
И суетной и шумной
Толпе забот лихих,
110 Как древле коршун жадный,
Грызущих беспощадно
Усердных слуг своих!
Но резвость, но веселья —
Товарищи безделья —
115 И Вакх под вечерок
С Токаем престарелым
И причетом веселым
Пускай полетом смелым
В твой мчатся уголок;
120 А там любовь позднее
Пускай в условный срок
Придет к тебе, краснея, —
И двери на замок!
О друг мой! мне уж зрится:
125 Твой скромный камелек
Тихохонько курится,
Вокруг него садится
Прятелей кружок;
Они слетелись вместе
130 На дружеский твой зов
Из разных все концов.

Здесь на почетном месте
Почетный наш поэт,
Белева мирный житель
135 И равнодушный зритель
Приманчивых сует.
Жуковский, в ранни годы
Гораций-Эпиктет.
Здесь с берега свободы,
140 Художеств, чудаков,
Карикатур удачных,
Радклиф, Шекспиров мрачных,
Ростбифа и бойцов —
Наш Северин любезный;
145 Пусть нас делили бездны
Зияющих морей,
Но он не изменился
И другом возвратился
В объятия друзей!
150 Питомец сладострастья,
Друг лакомых пиров,
Красавиц и стихов,
Дитя румяный счастья,
И ты, Тургенев, к нам!
155 И ты, наследник тула
Опасных стрел глупцам
Игривого Катулла,
О Блудов, наш остряк!
Завистников нахальных
160 И комиков печальных
Непримиримый враг!
Круг избранный, бесценный
Товарищей-друзей!
Вам дни мои смиренны
165 И вам души моей

Обеты сокровенны!
Меня не будут зреть
В прислужниках гордыни,
И не заманит сеть
170 Меня слепой богини!
Вам, вам одним владеть
Веселыми годами,
Для вас хочу и с вами
Я жить и умереть!

16. Mežakov, Pavel A.

Ělegija. Podražanie Tibullu. (1817)

Элегія.

Подражаніе Тибуллу.

- Пускай другой, гонясь за щастіемъ, за славой,
Среди житейскихъ бурь, среди войны кровавой,
Лишить себя на вѣкъ спокойствія и сна.
Заботъ, опасностей такая жизнь полна;
5 И сладости побѣдъ разтворены отравой!
Величіе, души не трогаетъ моей.
Хочу быть зависти и страха удаленнымъ,
И мирно сокрывать подъ кровомъ симъ смиреннымъ,
 Забавы бѣдности своей.
- 10 Въ надеждѣ сладостной пріятнѣйшихъ мечтаній,
Хочу обильность зрѣть, трудовъ прилѣжныхъ плодъ,
Спѣшащую убрать сей тѣсный огородъ,
Владѣній край моихъ, и край моихъ желаній.
Довольно для меня столь лѣстныхъ ожиданій!
- 15 Тамъ я всегда въ трудахъ; то рѣжу виноградъ,
То новымъ деревцомъ свой украшаю садъ;
Вооружась бичемъ, воздѣлывая нивы,
Стараюсь ускорить воловъ шаги лѣнныя;
Люблю въ рукахъ своихъ барашка принести,
20 Который матерью покинуть на пуши.
- Обилія полей я съ первыми дарами,
 Всегда являюсь предъ богами.
О боги сельскіе, вы боги дней златыхъ!
Вамъ первые изъ жертвъ посвящены моихъ.
- 25 Палесѣ въ честь млеко всегда я изливаю,
 Помонѣ въ даръ несу плоды;
 Изъ класовъ кои пожинаю,

Я окончавъ свои труды,
Вѣнокъ со тцаньемъ соплешаю,
30 И передъ Церерою во храмѣ полагаю.

А вы, блюстители стяжанья моего!
Вы зрѣли нѣкогда обширнѣйшимъ его,
Но други бѣдности со времени сей траты,
О вы, священные Пенаты!

35 Бывало нѣкогда отъ стадъ моихъ большихъ,
Телицу тучную я закалалъ предъ вами;
Овень украшенный цвѣтами,
Есть нынѣ лучшій даръ, изъ всѣхъ даровъ моихъ.
Я тщательно его хранилъ для васъ однихъ!

40 Вкругъ жертвы юноши, съ веселостью умильной
Предстануть, въ пѣніяхъ своихъ
Прося у васъ вина, и жатвы изобильной.
Склоните кроткій слухъ къ усердной пѣсни ихъ,
И не отвергните глазъ простоты смиренной!

45 Такъ первый даръ богамъ отъ смертныхъ принесенный,
Простой былъ глиняный сосудъ.
Я о наслѣдіи отцовскомъ не жалѣю.
Доволенъ участію своею,
Спокойно я ложусь дневной свершивши трудъ;

50 И благотворный сонъ мои стыкаетъ очи.
Какъ мило вечеркомъ, вокругъ себя внимать
Чуть чуть шумящій дождь, и тихо засыпать;
Какъ сладки Делія съ тобою бурны ночи,
Когда порывъ грозы услышавши во снѣ,

55 Обнявъ меня рукой, прижмешся ты комнѣ.
Вотъ все, чего хочу, о благотворны боги!
Пусть скроется богачъ въ огромные чертоги,
Съ нещетнымъ золотомъ своимъ,
Въ трудахъ безчисленныхъ приобрѣтеннымъ имъ.

60 Я бѣденъ, но ни съ кѣмъ на свѣтѣ не сравняюсь;

Я шумомъ ручейка, и тѣнью восхищаюсь.
Погибни злато все Азійскихъ пышныхъ странъ,
Коль долженъ для него я разлучиться съ милой,
Коль долженъ слезы зрѣть и взоръ ея унылой.
65 Пусть будетъ лаврами Месалла увѣнчанъ;
Пускай враговъ его блестящіе доспѣхи,
Его оружія докажутъ всѣмъ успѣхи.
Я съ гордостью ношу оковы красоты;
О Делія! одна владѣешь мною ты!
70 Все щастье дней моихъ я зрю въ одномъ предметѣ;
Потомство, слава, честь, вы всѣ ничто предъ ней!
Какія почести на свѣтѣ,
Равны безвѣстности моей.

Такъ, я пойду съ тобой на холмъ уединенный,
75 Готовъ на дикой жить скалѣ;
Готовъ препроводить всѣ ночи на землѣ.
Въ объятіяхъ твоихъ забуду о вселенной!
Ахъ! пышность ложа, отъ него
Печали томной не отгонить;
80 Кто въ горести душевной стонеть,
Убранства нужны ль для того?
Къ чему мнѣ мягкій одръ, когда на немъ страдаю,
Когда въ слезахъ не знаю сна,
Когда невѣрную напрасно призываю,
85 Которая межъ тѣмъ другому предана.
Какая безъ любви была бы въ жизни сладость?
О Делія! тобой я знаю только радость.
Съ тобою истинныхъ упившихся отрадъ,
Могули я алкать призраковъ славы ложныхъ?
90 Нѣтъ, я за твой единый взглядъ,
Не пожелаю взять всѣхъ почестей возможныхъ.
Пусть встретитъ взоръ послѣдній мой,
Твой взоръ слезою омраченный,

Пусть сей рукою изнуренной,
95 Сь твоею встрѣчуся рукой!
Нѣтъ, ты спокойными очами,
Костерь не будешь видѣть мой;
Ты оросишь его слезами,
Восплачешь вѣрно надо мной,
100 Восплачешь Делія! – и юноша прекрасной,
И дѣва нѣжная, предметъ любви страстной,
Увидятъ, сколько ты мой уважаешь прахъ,
И тихо отойдутъ, сь слезою на глазахъ.
Но преллестямъ своимъ не дѣлай оскорбленья;
105 Власы прекрасные терзать брегися ты,
Брегися нѣжныяокровавить черты;
Ты мнѣ содѣлаешь мученья,
Своей коснувшись красоты!

О поспѣшимъ вкусить дни юности любимой!
110 У Парки мы неумолимой,
Исхитить поспѣшимъ, любви и щастья часъ!
Уносить время все стурей неодолимой;
И смерть ужасная сокроетъ скоро насъ,
Завѣсой мрачной и не зримой.
115 Ахъ! время нещадить ни страсти, ни красы!
Любовь бѣжить отъ насъ при старости унылой!
Амуръ игривый, легкокрылой,
Не низпускается на бѣлые власы.
Но власть его, еще я въ сердцѣ ощущаю,
120 И больше ни о чемъ на свѣтѣ не крушусь;
Равно избытка не желаю,
И недостатка не страшусь.

17. Olin, Valer'jan N.

Tibullova Èlegija. (Vol'nyj perevod). (1818)

Тибуллова Элегія.

(Вольный перевод).

- Нѣтъ, свѣтъ моихъ очей! вѣрна любовь прямая!
Нѣтъ, Делія, клянусь! прелестница дугая
Объятъями любви меня не обойметъ,
И мѣста твоего, другъ милый! не займетъ
5 На ложѣ страстнаго и вѣрнаго Тибулла:
Златую цѣпь вокругъ насъ Киприда протянула.
Любовь свяжется лишь вѣрностью святой.
Изъ всѣхъ ты Римскихъ дѣвъ, блестящихъ красотой,
Одна любезна мнѣ, подруга молодая!
10 Кажись прелестною, ты – Грація земная,
Тибуллу одному! – Пусть Деліи красы,
Коральные уста и пепельны волосы
Не нравятся другимъ: тогда – мой страхъ напрасенъ,
Тогда - твой нѣжный другъ въ блаженствѣ безопасенъ.
15 Что въ пальмѣ, въ лаврахъ мнѣ? за славой не лечу;
Тобой любимымъ быть – вотъ все, чего хочу,
Предѣлъ желаній всѣхъ, и сердца наслажденья.
Мудрецъ блаженствуетъ въ тиши уединенья.
О если бы я могъ, благія небеса!
20 Сокрыться съ Деліей въ пустынные лѣса!
Подруги дней моихъ лазоревыя очи
Покой мнѣ по трудамъ и свѣтъ во мракѣ ночи.
Она и въ дебряхъ мнѣ составитъ цѣлый міръ.
Для истинной любви, что злато и порфирь?
25 Что слава, съ Деліей шалашъ, простое ложе,
Мнѣ мраморныхъ палатъ и пурпура дороже.
Теперь хоть бы самъ Олимпа Царь, Зевесъ,
Подругу мнѣ послалъ съ превыспренныхъ небесъ,

Богиню, Грауїю - хвала! но трудъ напрасный!
30 О Делія моя! о Геній мой прекрасный!
Владычицей сердцеъ, Кипридой не прельщусь:
Богиней грозною, Юноною клянусь!..
Безумнець! что сказалъ? Увы, спасите Боги!
На вѣрность и любовь утратилъ я залого,
35 И погубилъ меня языкъ болтливый мой!
Теперь, прелестница! господствуй надо мной!
Теперь – свершилось все! Тибуллъ въ живыхъ доколѣ.
Ты будешь жечь его... въ твоей, въ твоей я болѣ,
И средства нѣтъ, спастись отъ пламя и цѣпей!
40 Но знай, жестокой другъ! что въ горести моей
Повергнусь, скованный, предъ жертвенникъ Венеры:
Царица свѣтлая Пафоса и Цитеры
Коварнымъ – грозными стрѣлами гнѣва мститъ;
Но кроткія сердца лелѣеть и хранить.

В. Олинѣ.

18. Tolstoj, Jakov N.

Tibullova Èlegija. Iz I-j knigi, vol'nyj perevod. (1818)

Тибуллова Елегія.

Изъ I^и книги, вольный переводъ.

- Я въ гордости мечталь, что силъ моихъ достанеть
Жестокою забыть, - и что Тибуллъ престанеть
Любовіюдышать; я думать смѣль, - и чтожь?
Увидѣль, что мой гнѣвъ – тщетна, а твердость – ложь!
- 5 И я мятусь, забывъ непрочную свободу,
Какъ пухъ по воздуху въ часъ бури, въ непогоду.
Пылай огонь любви, и мучь меня сильнѣй!
Да накажусь за то, что въ гордости своей
Дерзаль не обожать всѣхъ чувствъ моихъ Царицу:
- 10 Сжигай меня – и вскрой унылую гробницу!..
Но нѣтъ; ты мнѣ должна, о Делія! простить.
Нашъ прежній договоръ могла ли ты забыть?
Ахъ! вспомни ты объ немъ, забывъ свою обиду:
Ссылаюсь на него, ссылаюсь на Киприду,
- 15 На нашъ взаимный жаръ, какъ жили мы любя,
А болѣе всего, о другъ мой! на тебя.
Не я ли преклоняль колѣна предъ Богами
За здравіе твое? и съ теплыми мольбами
Имъ жертвы приносилъ; охотно отдаваль
- 20 Я жизнь мою тебѣ, страданія желаль
Твои переносить; вздыхаль, рыдалъ, лиль слезы,
Когда въ болѣзни злой твои поблекли розы,
И ты повержена лежала на одрѣ,
Вкушала люту боль, и жизни на зарѣ,
- 25 Встрѣчала подъ собой открытую могилу.
Ты душу видѣла разтерзанну, унылу:
Трикраты фиміамъ у ногъ твоихъ куриль,
И тучнаго овна я въ жертву приносилъ.

Межъ тѣмъ, какъ хоры жриць, волшебницъ вопль, стенанья,
30 Сулили сохраить посредствомъ обаянья
Драгую жизнь твою; - я въ тогу облечень,
Въ ночь мрачную блуждалъ, печалью увлечень,
Сквозь дебри и лѣса, въ мѣста непроходимы:
Олимпа жители, безсмертны и незримы!
35 Не васъ ли я просиль ей здравіе послать,
Не допускать ее моль рано увядать?
Вамъ жертвы приносили усердныя и многи.
Не васъ ли заклиналъ, величественны боги!
Во время сна ссылатъ ей сладкія мечты,
40 И въ нихъ изображать небесны красоты?
Просиль васъ разсѣвать тѣ мрачны впечатлѣнья,
Что нанести могли ей страшны сновидѣнья.
Морфей! тебя просиль: ты сонъ ея прерви.
Я долгъ свой выполнялъ, долгъ пламенной любви.
45 И Деліей другой, о боги! обладаетъ:
За нѣжный пламень мой онъ щастіе вкушаетъ!
Въ безумствѣ я мечталъ, что жизнь ей возвративъ
Я возвращу любовь, и буду съ ней щастливъ,
И что поля мои, гдѣ классы зеленѣютъ,
50 Стрегомы Деліей, въ глазахъ ея созрѣютъ,
Что пажитей моихъ кода пожну я плодъ,
Въ кошницу Делія сама его сберѣтъ;
Наполнить молокомъ сосуды и фіалы,
И крупный виноградъ, увѣтущій какъ кораллы,
55 Стопами нѣжными раздавится ея.
Иль вечеромъ, когда игривое дитя
На персяхъ матери зарезвится ласкаясь;
Избытки съ ней считать мы будемъ возхищаясь.
Церерѣ въ жертву мы колосья принесемъ,
60 И въ вращахъ что своихъ отличное найдемъ,
Плоды своихъ полей, овецъ дебелыхъ стада;
А бахусу чаны крупнѣша винограда.

Пусть Делія тогда располагаетъ всѣмъ:
Незначущимъ хочу быть въ домѣ я моемъ.

65 Мнѣ мнится, что мой другъ Мессала, чтимый мною,
Пріѣхаль посѣтитъ насъ въ хижинкѣ съ тобою:
Ты лучши яблоки несешь ему въ дары,
И трапезу сама готовишь на пиры:
Тутъ яствами его простыми угощаешь,

70 Дань мужеству платя, героя величаешь.
Вотъ, что предполагалъ въ пріятнѣйшихъ мечтахъ:
Но бури мысль мою разсѣяли какъ прахъ!
Къ безсмертнымъ я питалъ всегда усердну вѣру.
Ужели прогнѣвить возмогъ когда Венеру?

75 Иль храмъ моихъ боговъ злодѣйствомъ осквернить,
Кровосмѣшеніе иль татство совершить?
О! если я когда предъ ними провинился,
Сверхъ воли, можетъ быть, по слабости забылся:
Я буду ихъ молить, отъ утреннихъ лучей

80 До полночи; - паду къ подошвѣ алтарей,
Склонясь челомъ къ землѣ, до тѣхъ поръ не возстану,
Доколѣ благости ихъ чувствовать не стану.
Но ты, смѣющійся при видѣ горькихъ слезъ,
Страшишь наказанъ быть десницею небесъ!

85 Возтрепещи, и знай, что видель я примѣры
Насмѣшниковъ такихъ, при алтаряхъ Цитеры,
Согбенныхъ старостью, въ морщинахъ, сѣдинахъ;
Дрожащи длани ихъ окованы въ цѣпяхъ.
О участь горькая влюбленныхъ сѣдоглавыхъ!

90 Посмѣшищемъ они для юношей лукавыхъ.
Порывы поздніе - ихъ древни голоса
Вотще изобразить желаютъ; - но краса
Не терпитъ дряхлости и смѣхомъ отвѣчаетъ.
Вотъ мзда достойная тому, кто презираетъ

95 Въ цвѣтушей младости любви всесильну власть!....
Но ахъ! за что же мнѣ пришлось терпѣть напасть?

Богиня чтимая! Когда меня караеть,
Ты вѣрнаго слугу безщадно поражаешь!
Яковъ Толстой.

19. Ryleev, Kondratij F.

***Toska* (zw. 1818 und 1820)**

Toska

- К нам возвратился май веселый,
Природа оживилась вновь:
Зазеленели холмы, доли
И распестрились от цветов.
- 5 Всё сладкой всюду негой дышит,
Ручей с приятностью журчит,
Едва листы зефир колышет,
И Филомелы глас звучит.
- В полях и рощах слышно пенье –
- 10 Все радостью оживлены;
И все как будто в восхищеньи
От возвращения весны!
Один лишь я брожу унылый,
Во мне одном веселья нет,
- 15 И ах! не будет до могилы,
Пока сей не покину свет...
- Увы! всё то, в чем я, несчастный,
Свое блаженство находил, –
Всё то, всё то, что я столь страстно
- 20 И с восхищением любил,
Уже не существует боле!..
О Делия! тебя уж нет!
Навек увяла ты, как в поле
Безвременно вдруг вянет цвет!
- 25 В летах, когда лишь начинают
Всю цену жизни познавать;
Когда с весельем засыпают,

С весельем день встают встречать;
Когда беспечность отдаляет
30 Заботы мрачные с тоской,
Когда всё душу восхищает
И сердце веселит мечтой, –
Узнал я Делию впервые!
О, незабвенные лета!
35 О, дни, любовью святые,
И вы, прелестные места, –
Где я, любовью упоенный,
Взирал на Делию мою,
Где я, любовью восхищенный,
40 Промолвил в первый раз - *люблю*;
И где она взаимно то же
Сказала, очи потупив!
О, как, о, как тогда – о боже! –
Ничтожный смертный был счастлив!
45 Какое в сердце восхищенье,
Какой восторг я ощущал!
Клянусь! в то самое мгновенье
И в рай бы я не пожелал!

„Весной, мой друг, когда раздастся
50 Здесь Филомелы первый глас,
Пред алтарем тебе отдастся
Моя рука в тот самый час“, –
Уже мне Делия сказала.
Весны я с нетерпеньем ждал,
55 Как вдруг она приметно стала
Всё вянуть, вянуть... час настал –
И наконец – „о друг сердечный!
Прости, – сказала мне она, –
Прости, но верь, что не навечно:
60 Другая есть еще страна, –

Где ни страданья нет, ни муки,
Где мы соединимся вновь
И где не будет уж разлуки,
Где вечно царствует любовь“.

.....

65 Уж возвратился май веселый,
И в роще раздаётся глас
Весну поющей Филомелы –
Увы, настал урочный час,
В котором Делия мечтала
70 Меня блаженством подарить,
Тот час, в который завещала
Себя со мной соединить!

О боги! милой прорицанье
Спешите совершить скорей!
75 Мне без нее сей мир – изгнанье,
Мне только жизнь мила при ней.

.....

Всё восхищается весною,
Природа всё животворит!
Один, один лишь я с тоскою!
80 Один лишь я от всех забыт!..
Увы! когда ж я перестану
Крушиться так, как я крушусь?
Ах! скоро ль, скоро ль я увяну
И с Делией соединюсь?
85 Когда в тот край, о боги хладны!
Меня переселите к ней,
Где обретет приют отрадный
Усталый странник жизни сей?!

К Деліи. (Подражаніе Tibullu.) (1820)

Къ Деліи.

(Подражаніе Тибуллу.)

- Почто, о Делія! съ колѣнопреклоненьемъ
Къ безсмертнымъ прибѣгалъ съ напраснымъ я моленьемъ?
Почто на олтаряхъ имъ фиміамъ куриль,
Коль рокъ тебя ко мнѣ еще не возвратилъ?
5 Держаль ли у боговъ, въ своихъ моленьяхъ скромныхъ
Тибулль испрашивать себѣ палатъ огромныхъ,
Иль Крезовыхъ богатствъ, иль славы и честей,
Иль тучныхъ пажитьми Церериныхъ полей,
Иль стадъ безчисленныхъ съ обширными лугами? -
10 Объ скромной бѣдности лишь имъ скучаль мольбами,
Которуюбъ дѣлилъ всегда съ тобою я;
Молилъ, чтобъ при тебѣ застала смерть меня...
Начто сокровища, начто стада мнѣ тучны?
Иль будемъ болѣ мы съ тобой благополучны
15 Въ чертогахъ мраморныхъ, для коихъ привезли
Огромны глыбы горъ из разныхъ странъ земли?
Ахъ! нѣтъ, ни золото, ни ткани драгоцѣнны,
Ни храмины, рукой искусства изсѣченны,
Ни въ златѣ блещуща толпа наемныхъ слугъ,
20 Намъ счастья даровать не въ силахъ, милый другъ!
Съ тобой мнѣ, Делія, и домикъ мой убогій
Олимпомъ кажется, гдѣ обитаютъ боги;
Скудельностью своей и скромной простотой
Онъ гонитъ отъ себя суетъ крылатыхъ рой;
25 И я за мигъ одинъ, съ тобой въ немъ проведенной
Не соглашуся взять сокровищъ всѣхъ вселенной.

О боги! Пусть Тибулль, всѣхъ благъ земныхъ лишася,
Но только съ Деліей своей соединяся,

Въ дому родительскомъ съ ней вмѣстѣ обитаетъ
30 И вмѣстѣ съ нею же въ немъ дни свои скончаетъ.

О дочь Сатурнова! И ты любви мать!
Дерзаю къ вамъ мольбы усердны возсылать;
Вы съ благосклонностью вамъ сродной имъ внемлите
И Делію навѣкъ Тибуллу возвратите.
35 Но если Парки мнѣ сего не прорекли,
Коль Деліи не зрѣтъ мнѣ болѣ на земли:
То пусть сей часъ сойду въ подземныя пещеры,
Гдѣ сестры лютыя безжалостной Мегеры,
Въ жилище мрачномъ ихъ тѣнь новую узря,
40 Улыбкой адскою привѣтствуютъ себя.

Острогосжскъ

К. Рыльевъ

К Деліи (1820)

К Деліи

Опять, о Делія, завистливой судьбою
На долго, можетъ быть, я разлученъ съ тобою!
Опять, опять одинъ съ унылою душой
Въ Пальмирѣ Сѣвера прекрасной
5 Брожу какъ сирота несчастной,
Питая мрачный духъ тоской!
Ничтожной славой ослѣпленный,
Жилище скромное и нѣги и отрадъ,
Жилище радостей - твой домъ уединенный,
10 Безумецъ, промѣнять дерзнулъ на Петроградъ,
Гдѣ все тоску мою питаетъ,
Гдѣ сердце юное страдаетъ!
Почто моленіямъ твоимъ я не внималъ?

Почто, о Делія! съ тобою я разстался?
15 Ахъ! ябъ теперь съ тоскою нескитался,
Но въ хижинѣ бѣ твоей съ любовью обиталъ,
Въ сей хижинѣ, гдѣ я узналъ тебя впервые!
Гдѣ въ жизни первый разъ, съ потокомъ сладкихъ слезъ,
Въ часы для сердца дорогіе,
20 Несмѣлымъ голосомъ *люблю* я произнесъ!
Гдѣ ты мнѣ на любовь любовью отвѣчала,
Гдѣ сладострастіе и нѣгу я вкушала...
Гдѣ ты въ объятіяхъ счастливица трепетала,
Гдѣ я мгновения восторгами считала!...
25 Ахъ! скоро ли опять изъ шумной и огромной
Столицы Сѣвера, о мой безцѣнный другъ!
Нечаянно въ твой домикъ скромной
Предстанетъ нѣжный твой супругъ?..
К. Р-въ.

Žestokoj (1821)

Жестокой

Смотри, о Делія, какъ вянетъ сей цветочекъ,
С какой свирепостью со стебелька
Вслед за листочкомъ рветъ листочекъ
Суровой осени рука!
5 Ах! скоро, скоро онъ красы своей лишится,
Не станетъ более благоухать;
Последний скоро листъ свалится,
Зефиръ не будетъ с нимъ играть.
Угрюмый Аквилонъ нагонитъ тучи мрачны,
10 В уныніе природу приведетъ,

Оденет снегом доли злачны, –
Твой взор и стебля не найдет...

Так точно, Делия, дни жизни скоротечной
Умчит Сатурн завистливый и злой
15 И блага юности беспечной
Ссечет губительной косой...

Всё изменяется под дланью Крона холодной;
Остынет младости кипящей кровь;
Но скука жизни безотрадной
20 Под старость к злу родит любовь!

Тогда, жестокая, познаешь, как ужасно
Любовью тщетною в душе пылать
И на очах не пламень страстный,
Но хлад презрения встречать.

20. Panaev, Vladimir I.

„*Ty govoriš', Kal'purnyj milyj, ...*“ (1821)

Ты говоришь, Кальпурный милый,
Что наше счастье на земли
Есть только призрак легкокрылый,
Едва мелькающий вдали.

5 Мой друг! мы слишком прихотливы:
Желаньям нашим нет конца;
Но всех ли замыслы кичливы
Ведут от плуга до венца?

Я сам, ты знаешь, от Фортуны
10 Умел немногое сыскать,
Одно – искусство лирны струны
Моей игрой одушевлять.

Я сам, равно знаком с нуждою;
Далек от славы и честей;
15 Живу под кровлею простою
Отшельником мирских затей.

Но я обрел всему замену
В *Любви и Дружестве* святом;
Постигнул ими жизни цену;
20 Теперь у Счастья под крылом

Ищу того ж – увидишь вскоре
Что ропот твой несправедлив.
Не веришь мне – читай во взоре
У Делии, сколь я счастлив!

21. Vjazemskij, Petr A.

Biblioteka (zw. 1821 und 1826)

Библиотека

- В хранилище веков, в святыне их наследства,
Творцов приветствую, любимых мной из детства,
Путеводителей, наставников, друзей.
Их пламень воспалил рассвет души моей;
- 5 Обязан вкусом им, занятъем и забавой,
Быть может — как узнать? — обязан буду славой.
Виргилий, друг полей и благодетель их,
Любить их, украшать и петь твой учит стих.
Гораций, всех веков по духу современник,
- 10 Поэт всех возрастов, всех наций соплеменник,
Которому всегда довольны, в смех и в грусть,
И учатся еще, уж зная наизусть.
И жизнь исправил ты, и встретил смерть с улыбкой;
Мудрец незыблемый и царедворец гибкий,
- 15 Ты льстил не приторно, учил не свысока.
И время на тебе не тронуло венка,
Который соплели веселье и рассудок
Из сладострастных роз и вечных незабудок.
Кипящий Марциал, дурачеств римских бич!
- 20 Где ни подметил их, спешил стихом настичь:
И я тебе вослед наметьваю руку
В безграмотную спесь и грамотную скуку.
Проперций и Тибулл, у коих в наши дни,
Педантам не во гнев, исхитил лавр Парни.
- 25 Андрей Шенье!¹ Певец и мученик свободы,
На плаху в жертву ты принес молодые годы
И полное надежд грядущее принес,
Тогда тиранов серп, во дни гражданских гроз,
Свирепо пожинал под жатвою кровавой

30 Все, что грозило им иль доблестью, иль славой.
Как! умирая, ты сказать со вздохом мог,
Что многого еще хранил в себе залог.
Твой стих: неполный звук души в мечтах обильной,
Уныл и сладостен, как памятник умильный

35 Надежд, растерзанных под бурею судеб.
Феб древних алтарей и новых песней Феб
Животворяет его согласным вдохновеньем.
По древним образцам романтик исполненьем,
Шенье! в трудах твоих решился бы тот спор,

40 Что к музам внес вражду междуусобных ссор
И вечно без конца, как подвиг Пенелопы,
Не довершен ни мной, ни «Вестником Европы».
Руссо, враг общества и человека друг,
Сколь в сердце вкрадчив к нам сердечный твой недуг!

45 Писатель-Бриарей! Колдун! Протей-писатель!
Вождь века своего, умов завоеватель,
В руке твоей перо сраженья острый меч.
Но, пылкий, не всегда умел его беречь
Для битвы праведной, и сам страстям покорный,

50 Враг фанатизма, был фанатик ты упорный.
Другим оставя труд костер твой воздвигать,
Покаюсь: я люблю с тобою рассуждать;
Вослед тебе идти от важных истин к шуткам
И смело пламенеть враждою к предрассудкам;

55 Как смертный ты блуждал, как гений ты парил
И в области ума светилом новым был.
Плутарховых времен достойная Коринна,
По сердцу женщина и по душе мужчина,
Философ мудростью и пламенем поэт,

60 Восторгов для тебя в нас недоступных нет.
Страстями движешь ты, умом, воображеньем;
Твой слог, трепещущий сердечным вдохновеньем,
Как отголосок чувств всегда красноречив;

Как прихоть женщины, как радуги отлив
65 Разнообразен он, струист и своенравен;
О, долго будешь ты воспоминаньем славен,
Копшет!² где Неккеру, игре народных бурь
Блеснула в тишине спокойствия лазурь,
И где изгнанница тревожила из ссылки
70 Деспота чуткий ум и гнев, в порывах пылкий.
В сияньи, он робел отдельного луча:
И, мир поработив владычеству меча,
С владычеством ума в совместничестве гордом
Он личного врага воюя в мненьи твердом,
75 Державу мысли сам невольно признавал.
Осуществивший нам поэта идеал,
О Шиллер, как тебя прекрасно отражало
Поэзии твоей блестящее зеркало.
В тоске неведенья, в борьбе с самим собой,
80 Влечешь ли ты и нас в междуусобный бой
Незрелых помыслов, надежд высокомерных,
Ты возвращаешь ли в унынье чувств неверных,
На счастье данную³, сомнительный залог,
Который выплатить мир целый бы не мог:
85 Иль, гордя души смилив хаос мятежный,
Мрак бури озаришь ты радугой надежной
И гласом сладостным, как звуком горних лир,
Врачуешь сердца скорбь и водворяешь мир
В стихию бурную желаний беспокойных,
90 Равно господствуешь ты властью песней стройных.

И вас здесь собрала усердная рука
Законодателей родного языка,
Любимцев русских муз, ревнителей науки,
Которых внятные, живые сердцу звуки
95 Будили в отроче, на лоне простоты,
Восторги светлые и ранние мечты.

Вас ум не понимал, но сердце уж любило:
К вам темное меня предчувствие стремил.
Непосвященный жрец, неведомый себе,
100 Свой жребий в вашей я угадывал судьбе.
Ваш мерный глас мой слух пробудит ли случайно,
Ему, затрепетав, я радовался тайно.
Сколь часто, весь не свой, заслушивался я,
Как гула стройных волн иль песней соловья,
105 Созвучья стройных строк певца Елисаветы,
И слезы вещие, грядущих дум приметы,
В глазах смеющихся сверкали у меня,
И весь я полон был волненья и огня.
И ныне в возраст тот, как вкус верней и строже
110 Ценит, что чувствовал, когда я был моложе,
Умильно дань плачу признательности вам,
Ума споспешникам, прекрасного жрецам!
К отечеству любовь была в вас просвещеньем,
К успехам сограждан пылая чистым рвеньем,
115 Как силою меча, могуществом пера,
Герои мирные, сподвижники Петра,
На светлом поприще, где он, боец державный,
В борьбе с невежеством, настойчивой и славной,
Ум завоевывал и предрассудки гнал,
120 Стяжали вы венец заслуженных похвал.
Но многим ли из вас расцвел и лавр бесплодный?
Забывчивой молвой и памятью народной
Уважен, признан ли ваш бескорыстный труд?
К вам света хладного внимателен ли суд?
125 Не многих чистое, родное достоянье,
Нам выше светится во тьме благодеянье.
Наследовали мы ваш к пользе смелый жар
И свято предадим его потомкам в дар.
Пусть чернь блестящая у праздности в объятых
130 О ваших именах, заслугах и занятиях

Толкует наобум и в адрес-календарь
Заглядывать должна, чтоб справиться, кто встарь
Был пламенный Петров, порывистый и сжатый,
Иль юной Душеньки певец замысловатый;
135 Утештесь! Не вотще в виду родной земли,
Вы звезды ясные в окрестной тьме зажгли.

¹ Андрей Шенье, одна из прекраснейших жертв тирании Робеспьера и французского Конзента, кончил жизнь свою на плахе революционной два дни до низвержения Робеспьера и кровавого владычества, тяготевшего над Францией. Готовясь на казнь, он, ударив себя в голову, сказал: «Однако же тут было что-то». Вся поэтика его заключиться может в прекрасном его стихе из поэмы «Изобретение»: *Sur des pensers nouveaux faisons des vers antiques.* (*Примеч. П. А. Вяземского.*)

² Коппет – поместье Неккера, в коем он кончил жизнь, ознаменованную блистательными и крупными переворотами политическими, и где славная дочь его укрывалась от опалы Наполеона. (*Примеч. П. А. Вяземского.*)

³ *Resignation*, стихотворение Шиллера. (*Примеч. П. А. Вяземского.*)

22. Boratynskij, Evgenij A.

„*Čtob’ očarovyvav’ serdca,..*“ (1821)

- Чтобъ очаровывать сердца,
Чтобъ возбуждать рукоплесканья,
Я слышалъ, будто для пѣвца
Всего нужнѣе дарованья.
- 5 Путь къ Парнассу много есть:
Зѣвоту можно произвести
Поэмой длинной, громкой одой,
И вѣкъ того не приобрѣсть,
Чего намъ не дано природой.
- 10 Когда старикъ Анакреонъ,
Сынъ вѣрный нѣги и прохлады,
Весѣлый пѣль амфоровъ звонъ
И сердцу памятные взгляды:
Въ слѣдъ за толпой младыхъ забавъ,
- 15 Богини пѣсней, миновавъ
Пѣвцовъ усерднѣйшихъ Эллады,
Ему внимать изъ-подтишка
Съ вершины Пинда поспѣшали
И балагура старика
- 20 Вѣнкомъ безсмертья увѣнчали.
- Такъ своенравно Аполлонъ
Намъ раздаетъ свои награды;
Другому богу Геликонъ
Отдать хотѣлось бы съ досады!
- 25 Напрасно до поту лица
О славу Фофановъ хлопочеть:
Ему отказанъ даръ пѣвца,
Трудится онъ, а Фебъ хохочеть.
Межъ тѣмъ дая веселью дни,

30 Едва ли Батюшковъ, Парни
 О прихотливой вспоминали,
 И что-жь? нечаянно они
 Ее въ Цитерѣ повстрѣчали.

 Плѣнень ли Хлоей, Дафной ты,
35 Возми Тибуллову цѣвницу,
 Воспой побѣды красоты,
 Воспой души своей царицу;
 Когда же любишь стукъ мечей,
 Съ высокой музою Омира
40 Пускай поеть вражды царей
 Твоя воинственная лира.
 Равны всѣ музы красотой,
 Несходство ихъ въ одной одеждѣ,
 Старайся нравиться любой,
45 Но помолися Фебу прежде.

„Ja bezrazsuden” – i ne divo!..“ (1821/22)

 Я безразсудень — и не диво!
 Но разсудителень ли ты,
 Всегда преслѣдуя ревниво
 Мои любимыя мечты?
5 «Не для нее прямое чувство:
 «Одно коварное искусство,
 «Я вижу въ Деліи твоей;
 «Не вѣрь прелестницѣ лукавой!
 «Самолюбивою забавой
10 «Твои восторги служатъ ей.»
 Не обнаружу я досады,
 И пронизательность твоя
 Хвалы достойна, вѣрю я;

Но не находить въ ней отрады
15 Душа смятенная моя.

Я вспоминаю голосъ нѣжный
Шалуньи ласковой моей,
Рѣчей открытыхъ складъ небрежный,
Огонь ланить, огонь очей;
20 Я вспоминаю день разлуки,
Послѣдній, долгій разговоръ,
И полный нѣги, полный муки,
На мнѣ покоившейся взоръ;
Я перечитываю строки,
25 Гдѣ, увлеченія полна,
Въ любви счастливые уроки
Мнѣ самому даетъ она,
И говорю въ тоскѣ глубокой:
«Уже-ль обманут я жестокой?
30 «Или все, все в безумном снѣ
«Безумно чудилось мнѣ?
«О, страшно мнѣ разувѣренье
«И объ одномъ мольба моя:
«Да вѣчнымъ будетъ заблужденье,
35 «Да вѣкъ безумцемъ буду я...»

Когда же съ вѣрою напрасной
Взываю я къ судьбѣ глухой,
И вскорѣ опытъ роковой
Очамъ доставить свѣтъ ужасной,
40 Пойду я странникомъ тогда
На край земли, туда, туда,
Гдѣ вѣчный холодъ обитаетъ,
Гдѣ по неволѣ стынетъ кровь,
Гдѣ, можетъ быть, сама любовь
45 Въ озябломъ сердцѣ потухаетъ...

Иль нѣтъ: подумавши путемъ,
Останусь я въ углу своемъ,
Скажу вздохнувъ: «Горюнъ неловкой!
Грусть простодушная смѣшна;
50 Не лучше-ль плутомъ быть съ плутовкой,
Шутить любовью, какъ она?
Я объ обманщицѣ тоскую:
Какъ здоровымъ смысломъ я убогъ!
Уже-ль обманщицу другую
55 Мнѣ не пошлетъ въ отраду Богъ?»

„Začem, o Delija! Serdca mladyja, ty...“ (1822)

Зачѣмъ, о Делія! сердца младыя, ты
Игрой любви и сладострастья
Исполнить силишься мучительной мечты
Недосягаемаго счастья?
5 Я видѣлъ вокругъ тебя поклонниковъ твоихъ,
Полуизсохшихъ въ страсти жадной:
Достигнувъ ихъ любви, любовнымъ клятвамъ ихъ
Внимаешь ты съ улыбкой хладной.
Обманывай слѣпцовъ и смѣйся ихъ судьбѣ:
10 Теперь душа твоя въ покоѣ;
Придется нѣкогда извѣдать и тебѣ
Очарованье роковое!
Но опасаяся насмѣшливыхъ сѣтей,
Быть можетъ, избранный тобою
15 Уже не ввѣрится огню любви твоей,
Не тронется ее тоскою.
Когда-жь пора придетъ, и розы красоты,
Вседневно свѣжестью бѣднѣя,
Погибнуть, отвѣчай: къ чему прибѣгнешь ты,
20 Къ чему, безчарная Цирцея?

Искусством округлишь ты высохшую грудь,
Худя щеки нарумянишь,
Дитя крылатое захочешь, какъ нибудь
Вновь приманить... Но не приманишь!

25 Въ замѣну сновъ младыхъ тебѣ не обрѣсти
Покоя, позднихъ лѣтъ отрады,
Куда-бы ни пошла, взроятся на пути
Самолюбивыя досады!

30 Немирнаго душой, на мирномъ ложѣ сна,
Такъ убѣгаетъ усыпленье,
И гдѣ для каждаго доступна тишина,
Страдальца ждетъ одно волненье.

23. Del'vig, Anton A.

К птичке, выпущенной на волю (1823)

К птичке, выпущенной на волю

Во имя Делии прекрасной,
Во имя пламенной любви,
Тебе, летунье сладкогласной,
Дарю свободу я. — Лети!

5 И я равно счастливой долей
От милой наделен моей:
Как ей обязана ты волей,
Так я неволею своей.

24. Kjuchel'beker, Vil'gel'm K.

Zakup (1823)

Zakup

- Сладкий глагол элегический, нежно тужащей камены,
Ты, о Тибуллов размер, о вожденнейший стих,
Мною покинутый в час роковой, когда я впервые,
Зов Мельпомены познав, яббом себя вооружил! –
- 5 Снова к тебе обращаюсь теперь, утешитель в печалях:
Я тишину воспою, счастье родимой семьи!
Вас воспою, золотые холмы, вас, мирные доли;
Благословляю тебя, тихий, возлюбленный прах!
С каждою поздней зарей, при закате вечернего солнца
- 10 Дети, младенцы твои, гроб твой молитвой святят;
Пёстун их, их осеняешь с небес незримою дланью,
Ловишь в пределах святых лепет невинных сердец!
Счастлв и в лоне могилы немой семьянин безмятежный,
В доме вдовицы твоей дух твой поныне парит!
- 15 Рядом с нею течет праматерь детей твоих милых, –
Пламень души молодой греет в ней древнюю кровь!
Лики отважных мужей, героев веков улетевших
В час одинокий зовут думы ее; и тогда
Вдруг для певца оживают они на устах ее мудрых;
- 20 Он готов их воспеть; витязей славить готов;
Рвется предать устремленным ушам удивленных потомков
Чистых, возвышенных дев, строгих, божественных жен,
В бой устремлявших их длань, за правду их меч извлекавших!
Ты же, мать моя, будь для меня образец,
- 25 Памятник тех отцветших времен! да буду достойным
Сыном твоим! Клянусь именем вечно святым:
Честь до нисхода в могилу мне будет дороже блаженства,
Жизни ее предпочиту! – Если же некогда я
В перси твои мятежным течением горести пролил, –

30 Нежная мать, прости! Слезы твои осушу!
В образе доброй сестры мне посланный ангел-хранитель,
 Или забуду тебя, Юлия, сладостный друг?
В скорбях не ты ль утешаешь меня; мои бури смиряешь?
 Я ж, безрассудный, не раз жестокою платой тебе,
35 Словом суровым платил; угрюм, из очей твоих светлых
 Плач выжимал и терзал нежную душу не раз!
Ах! с рождения я, обреченный мучитель любезных,
 Грозной судьбою гоним, грусть за собою веду:
Ваш благодатный покой возмутил я истовым сердцем!
40 Рощи, простите! луга, вы помяните меня!
К милым, о песни, падите ногам! Мне добрую память
 Тщитесь вымолить вы в дикий мой, сумрачный путь!
Песни, богатство мое! вы мне ль измените ныне?
 Или из дома родных в даль без любви потеку?

25. Puškin, Aleksandr S.

Evgenij Onegin. Roman in Versen. (1825, Auszug mit Nennung Tibulls gemäß der früheren Version)

Евгений Онегин. Роман в стихах.

[...]

VII.

- Высокой страсти не имея
Для звуков жизни не щадить,
Не мог он ямба от хорея,
Как мы ни бились, отличить.
- 5 Бранил Тибулла, Феокрита;
 За то читал Адама Смита
 И был глубокой эконоом,
 То есть умел судить о том,
 Как государство богатеет,
10 И чем живет, и почему
 Не нужно золота ему,
 Когда *простой продукт* имеет.
 Отец понять его не мог
 И земли отдавал в залог.

К ** (1826)

*К ***

- Ты богоматерь, нет сомненья,
Не та, которая красой
Пленила только дух святой,
Мила ты всем без исключенья;
5 Не та, которая Христа

Родила не спросясь супруга.
Есть бог другой земного круга —
Ему послушна красота,
Он бог Парни, Тибулла, Мура,
10 Им мучусь, им утешен я.
Он весь в тебя — ты мать Амура,
Ты богородица моя!

26. Merzljakov, Aleksej F.

К Делии. (1826)

Élegija I

(Тибулла К. I. 3.)

Къ Делии.

- Мессала безъ меня Егейскими волнами
Стремится въ путь побѣдъ. — Забвень ли буду вами,
Ты, вождь возлюбленный, вы ратные друзья!..
Въ чужой странѣ (*) томлюсь, недугомъ скованъ я. —
5 О смерть, сдержи ударъ надъ сирюю главою! —
О смерть, сдержи ударъ! — Нѣтъ матери со мною,
Чтобъ кости бранныя въ печальной склепъ сложить;
Нѣтъ здѣсь моей сестры, чтобъ пепель окропить
Благоуханіемъ востока драгоцѣннымъ,
10 И гробу предстоя, — власамъ не увязеннымъ —
Оплакать жребій мой. — Нѣтъ Делии при мнѣ!..
Она — нѣжнѣйшій другъ! — въ сердечной глубинѣ
Скрывая грусть, когда изъ града отпускала,
Ко всѣмъ богамъ о мнѣ съ молитвой прибѣгала, —
15 На стогнахъ жребіи священные стократъ
У отрока (***) брала, и отрокъ ей возвратъ
Стократно обѣщаль... Напрасны увѣренья! —
Какъ смерть, грозила ей минута разлученья!
Я, утѣшитель всѣхъ... что мнѣ начать, не зналъ:
20 Я самъ себѣ вины медленья вымышлялъ! —
То птицъ полетъ страшилъ, то признаки замѣтны;
То воспрещаль отъѣздъ Сатурна день обѣтнй! (*)
Не разъ, при выходѣ, коснувшись въ прагъ ногой,
Я трепеталъ, какъ листь, и вспять бѣжалъ домой!
25 О, бойся странствовать Амура вѣрнй чтитель!

Не оскорбляй его! — Вездѣ найдеть отмститель!...
Такъ, Делія! — Онъ мститъ, и гнѣва зрю плоды! —
Спасла-ль меня твоя Изида (***) отъ бѣды? —
Что помогли твои кимвальныя бѣнья,
30 И омовенія, и строгія пощенья?...
Теперь, Богиня, ты могущество яви,
Теперь цѣленья даръ высокій обнови,
Умножи чудеса, которыми всѣ стѣны
Чертога твоего блистають испещренны (***)! —
35 Теперь пусть Делія хвалы тебѣ гремитъ!
Въ одеждѣ бѣлой льна у вратъ твоихъ сѣдитъ!
Теперь двукратно въ день — власамъ не покровеннымъ —
Пускай мольбы поетъ со клиромъ освященнымъ,
Дабы я могъ простерть къ богамъ домашнимъ длань,
40 И Лару древнему принесть обычну дань!...
 Какъ жили щастливо въ дни Кронова правленья! —
Тогда еще Земля не знала раздѣленья,
Не открывалася въ безчисленныхъ путяхъ;
Не пѣнилъ смѣлой дубъ лазурныхъ водъ въ моряхъ,
45 Не ширилъ паруса въ ловитву вѣтровъ льстивыхъ. —
Пловецъ, блуждающій окрестъ береговъ строптивыхъ,
Богатствомъ чуждыхъ странъ судовъ не нагружалъ.
Въ то время, мощный воль ярму не работалъ;
И удила не грызъ смиренной конь въ гортани! —
50 Тамъ домъ былъ безъ дверей, и всѣ поля безъ грани! —
Мѣдъ капалъ самъ съ деревъ, и овцы сами тамъ
Несли свое млеко къ безпечнымъ пастухамъ! —
Ни споровъ, ни войны, ни ратей разъяренныхъ! —
Кинжалъ и мечъ! — игра злодѣевъ ослѣпленныхъ!
55 Не оскверняли вы искусства ковачей! —
Зевесъ вступилъ на тронъ: се! — язвы, тьмы смертей! —
И море, и земля на насъ вооружились,
И въ адъ несчетныя врата намъ отворились! —
Зевесъ Отче, пощади! — меня не тяготят,

60 Ни клятвы ложной стыдь, ни словъ продерзкихъ ядь!..
Но если жизнь моя исполнилася днями,
Пусть гробной камень мой означится словами:
*Тибулла кости здѣсь. – Онъ смертью взятьъ къ отцамъ,
Мессалъ слѣдуя по суши и морямъ.*

65 Умру! Жреца любви и трепетныхъ мечтаній,
Сама меня введетъ Киприда въ рай желаній,
Въ сады Элизія. – Тамъ пѣсни, хоры вокругъ;
Порхая птицы тамъ плѣненной нѣжат слухъ;
Лавръ съ миртомъ соплетяся, лелѣютъ въ куцахъ радость;

70 Въ поляхъ – безсмертныхъ розъ благоухаетъ сладость.
Сонмъ юношей и дѣвъ – то врознь, то вкупѣ вновь, –
Играютъ, рѣзвятся: ихъ споръ, ихъ миръ – любовь!
Тамъ жертвы, страстию сраженныя противной,
Блуждаютъ, ветвию украшены оливной.

75 Вдали: обитель каръ, въ глубокихъ безднахъ адъ,
И рѣки черныя окрестъ его шумять.
Ярятся Фурии – (съ ихъ главъ горящихъ змѣи
Клокотятся, свистятъ по плечамъ и вокругъ шеи!)
Трепещутъ блѣдные преступники, толпясь! –

80 А тамъ, ко веремъ желѣзныхъ вратъ склонясь,
Простерся страшный песь; какъ чешуя ехидны,
Ставъ дыбомъ, волоса шумять щетиновидны. –
Тамъ смѣвшій искушать Юнону Иксионъ:
На быстромъ колесѣ въ костяхъ дробится онъ;

85 И девять десятинъ облегшій Тицій, чревомъ
Питаеть алчныхъ птицъ, посланныхъ неба гнѣвомъ!
Тантала вижу я; вокругъ воды, онъ припаль,
Уже мечтаетъ пить – но скрылся водъ кристалль! –
Дары Венеры въ ковь утративъ беззаконный,

90 Тамъ дѣвы Лету льютъ во кладези бездонны (!) –
Тамъ гибни, кто дерзнетъ мнѣ милую смущать,
Кто мнѣ возврата часъ желаетъ отдалять!...
Нѣтъ! – ты всегда вѣрна, и мною стражъ избранной

Съ тобою будетъ мать повсюду, безпрестанно! –
 95 При свѣтѣ тихія лампы, пусть она,
 За сказками тебѣ, тончайши нити льна
 Изъ прялки, обвитой куделью, извлекаетъ;
 Близъ дѣва свой урокъ рабочій исправляетъ:
 Сонъ къ бѣдной крадется; одѣлись очи въ мглу;
 100 Склонилась голова... работа на полу!...
 Вдругъ... въ этотъ самой мигъ, внезапный и не жданный,
 Я въ дверь, передъ тобой, какъ съ неба ниспосланный! –
 Ты ахнула; бѣжишь въ томъ видѣ, какъ нашлась,
 Въ смятеньи волоса, босая, безъ прикрасъ!...
 105 О радость!... о, когда слетитъ сей день румяной,
 На розовыхъ коняхъ, на колесницѣ рдяной?...

(*) Тибулль, отправившись съ Римскимъ полководцемъ Мессалой въ Азию, занемогъ на дорогѣ, и долженъ былъ больной остановиться на островѣ Корцирѣ. – Въ сей Элегіи описываетъ горестное свое положеніе, отъѣздъ изъ Рима и пр.

(**) Сіи отроки сидѣли обыкновенно на распутіяхъ и предлагали гадающимъ вынять жребій.

(*) Иудейская суббота, которой также вѣрили въ Римѣ.

(**) Богиня Египетская. Между прочими обрядами молящіе ударяли въ кимвалы и наблюдали строгую чистоту.

(***) Всѣ стѣны храма исписаны были чудесами ея изцѣленій.

(*) Данаиды, умертвившія своихъ супруговъ.

Osvjašćenie polej. (1826)

Élegija II

(Тибулла К. II. I.)

Освященіе полей.

- Благоговѣнне къ богамъ! – Мы плоды и поля освящаем,
Какъ повелѣлъ намъ отъ предковъ обычай наслѣдной.
Вакхъ, преклонися, да грозды златые съ роговъ твоихъ блещутъ!
Золотомъ класовъ чело увѣнчай ты, Церера! –
5 Въ праздникъ великій покойся, Земля! Ты покойся, оратай!
Плугу подъятому, трудъ усладися тяжелой!
Узы ярма разрѣшите при ясляхъ, наполненныхъ житомъ:
Тамъ да питается вошь съ увѣнчанной главою!
Всякое дѣло – даръ Богу! – Ты, мать семейства, вы дочери!
10 Да не коснутся къ работѣ прядущія руки! –
Вы удалитесь, вы алтарей не скверните священныхъ,
Коимъ прошедшая ночь ниспослала утѣхи! –
Чистое вышнимъ угодно; – вы въ чистой явитесь одеждѣ,
Чистой рукою изъ кладезя черпните влагу! –
15 Зрите, какъ шествуетъ агнецъ священный предъ жертвенный камень:
Маслиной всѣ осѣненные, въ слѣдъ мы толпимся! –
Боги родные, поля освящая, святимъ земледѣловъ:
Всякое злое жените отъ нашей границы! –
Да не обмануть посѣвы надеждою льстивою жатвы!
20 Робкія овцы волковъ да не встрѣтятъ свирѣпыхъ! –
Доброй оратай, любяся полной и плавою нивой,
Дубы снесетъ на поля, и костры воспалятся!
Дѣти и слуги толпою, во знаменье радостей дома,
Скачутъ вокругъ сруба, и кущи сплетаютъ изъ вѣтвей! –
25 Тако да будетъ! – Приникните взоромъ ко внутреннимъ жертвы:
Сердце и печень намъ благодать боговъ предвѣщаютъ! –

Древнюю бочку Фалернского, Консуловъ старыхъ подь знакомъ,
Двините! – Сбейте на Хійскомъ смолистую пробку! –
Красень пирь добрымъ виномъ! – На пиру, освященномъ богами,
30 Стыдно ль въ хмѣлю волочить непослушныя ноги!...
Здравствуй, Мессала! – Такъ всякъ, со стаканомъ въ десницѣ, воскликни!
Пусть онъ, отсутственной, въ каждомъ гремитъ у насъ словѣ! –
Ты, Аквитанскимъ триумфомъ возвышенной въ сонмѣ Героевъ,
Ты, побѣдитель, величіе предковъ брадатыхъ,
35 Сниди, незримой, вдохни въ меня силу для пѣсней крылатыхъ
Благодаренья небеснымъ хранителямъ жатвы! –
Поле, боговъ полевыхъ воспѣваю! – Богамъ восхотѣвшимъ, –
Дуба плодами питаться отвыкла жизнь смертныхъ! –
Прежде они научили, скрѣпивъ переклады на вѣтвяхъ,
40 Листьями древъ покрывать не обстроенный домикъ!
Думаютъ также, они усмирили воловъ на служенье,
И подь телегу селянь прикрѣпили колеса!
Дикая пища отвергнута: плодъ благосочный алѣеть;
Садъ изобильный пьетъ чистыя воды въ потокахъ;
45 Гроздь златовидной подь рѣзвой стопою далъ сокъ благодатной: –
Радостно – *пьяное* слилось со влагою *трезвой!*...
Нивы даруютъ намъ жатву, когда воспаленные лѣтомъ,
Желтые Матери общей власы опадаютъ;
Рѣя по злачному лугу, пчела собираетъ дань улью,
50 Чтобы ячейки исполнить отъ сотовъ медовыхъ.
Прежде другихъ земледѣль, обезпеченный вѣрностью плуга,
Мѣрной стопою воспѣлъ безыскусственны пѣсни;
Прежде другихъ сочеталъ онъ свой голосъ съ свирелію звонкой, –
И вознеслися торжественны гимны на небо!
55 Первой оратай, намазанной яркою краской, о Бахусъ,
Съ новымъ искусствомъ водилъ твои шумныя хоры! –
Вымысль чудесный пріялъ отъ богатаго стада наградой
Козлище: кроткихъ овецъ бородатаго вождя!
Съ луга весенняго отрокъ цвѣты собирая, составилъ
60 Вязи, и ветхаго Лара чело увѣнчалъ онъ;

Съ паствы веселой услужливый радостямъ дѣвы младыя
 Нѣжную волну приноситъ играющій агнецъ! –
 Вотъ и работы женъ милыхъ: и прядка, и пряжа, и гребень;
 Между перстовъ вретено навиваяся, пляшетъ со свистомъ! –
 65 Дома хозяйка при краснахъ Минервы сидя, воспѣваетъ
 Пѣсни; – чолнъ рѣетъ, бьетъ бердышъ и красны трясутся. –
 Думаютъ, самой Амуръ возродился средь стадъ нѣжнорунныхъ,
 Между овецъ, и воловъ, и коней буйно-рьяныхъ. –
 Тамъ неискусной онъ прежде испытывалъ лукъ тетивою; –
 70 Къ нашему горю, какъ нынѣ рука его вѣрно
 Метить! – Уже не животныя токмо, – прелестныя дѣвы
 Метою стали! – мужей онъ гордыню смиряетъ!
 Сыплеть роскошно на юношей блага, и старцевъ онъ нудить,
 Прелести гордой при прагѣ, въ мольбахъ унижаться!
 75 Имъ предводимая тайно, чрезъ спящаго стража препрыгнувъ,
 Дѣва во мракѣ одна поспѣшаетъ къ любимцу; –
 Тихо стопы подвигая, трепещуща, страхомъ волнуясь, –
 Руки впередъ – испытуетъ таинственный путь свой.
 Бѣдныя, бѣдныя, коихъ Амуръ ненавидитъ! – Стократно
 80 Щастливъ, кому онъ привѣтною вѣетъ любовью!
 Сниди, священный, на пиршества праздники, сниди! – Но стрѣлы,
 Далѣе стрѣлы оставь, и далѣе свѣточь!...
 Славьте вы бога, молитесь ему благосклонность ко стаду;
 Голосомъ громкимъ ко стаду; – къ самимъ себѣ, тихо!...
 85 Нужды нѣтъ, громче къ себѣ призывайте! – Фригійскія трубы,
 Шумъ молодыхъ шалуновъ всѣ слова заглушаютъ.
 Пойте, играйте: се, Ночь – въ колесницу конямъ запряженнымъ –
 Катится; – матери слѣдомъ звѣздъ хоры несутся;
 Тихо, безмолвно, чуть движется Сонъ на крылахъ блѣднотемныхъ;
 90 Въ призракахъ дивныхъ толпятся за нимъ Сновидѣнья.

27. L.

Tibullova élegija (*). (1827)

Тибуллова Элегія (*).

Пускай другой, гонясь за славой и фортуной,
Тягчимъ заботливою думой,
Теряеть сонъ и губить свой покой;
Стезею *Марсу* посвященной
5 Бѣжить на грозный вопль военный,
Оторванъ отъ одра гремящею трубой....
Не жаждущему мнѣ ни титловъ, ни стяжаній,
О Нево! дай въ дому отцевъ моихъ дожить;
Въ тѣни родныхъ оливъ, безъ страха и желаній
10 Безпечное мое убожество таить.
Лить улыбаясь бы на мой досугъ смиренный,
Надежда свѣтлая въ картинѣ отдаленной
Сулила плодоносный годъ,
Дарами осени мой крася огородъ,
15 Рубежь владѣній вождельный;
Уже доволенъ я
Тѣхъ благъ однимъ обѣтованьемъ!
Едва лишь отъ лица проснувагося дня
Вершина горъ зардѣется сіяньемъ,
20 Беру я заступъ свой,
Тружусь надъ резводимымъ садомъ,
Хожу за виноградомъ;
За пролагаемой браздой
Бреду я глыбистою нивой;
25 Готовый ускорять нудительной лозой
Четы яремной ходъ лѣнливой....
Какъ часто уношу, прижавъ къ груди моей,
Ягненка, на берегъ забредшаго отлогой,
Иль первенца козы, забышаго дорогой

30 Игривой матерью. И первый даръ полей,
И первый плодъ воздѣланнаго сада,
Для жертвы Богу жатвь и Богу винограда,
Сель мирныхъ божества, помощники людей!
Примите даръ любви моей.

35 Мной чистое млеко *Палестъ* въ честь пролито,
Помоны на олтарь несу мои плоды,
Цереръ – матери вѣнецъ изъ класовъ свитой
За награжденныя Богинею труды.
А вы, вы нѣкогда хранители благіе

40 Наслѣдья большаго, когда еще не зналъ
Превратностей судьбы, обидь фортуны злая,
Обилье роскоши вкушалъ,
Тогда на вашъ алтарь, домашніе Пенаты!
Отъ прежнихъ стадъ моихъ, я возносилъ тельцовъ,

45 Теперь, какъ даръ богатый,
Я Агнца приношу, красу моихъ даровъ;
Вкругъ жертвы хороводъ веселый пастуховъ:
За жребій свой судьбу благодаря стократно,
Просить онъ станеть у боговъ

50 При пѣсняхъ радости: цвѣтовъ
И жатвы благодатной.
Внимательными васъ моленья обрѣтутъ,
Не погнушаются вы скромными мольбами;
Ахъ, жертвенный сосудъ, стоявшій предъ богами

55 Въ священной древности, былъ глиняный сосудъ.
Не буду сожалѣть объ отчемъ достоянїи,
Останьтеся мои: мой сельской уголокъ
И ложе, гдѣ, я счастливъ безъ мечтаній,
Гдѣ сонъ мой тихъ, легокъ,

60 Въ тѣни соломеннаго крова.
Какъ сладостно, подъ шумъ дождя ночнаго,
Въ своей обители родной,
Веченю крошкому *Морфея* предаваться;

Но слаще и того, близъ *Делии*, порой
65 Полуночи, съ горячею тоской
Къ ней въ страстыя объятія заключаться
 И слышать *Аквилона* бой.
Мое оставить мнѣ, молю передъ богами.
Будь дивнымъ богачемъ,
70 Кто злато снискивалъ терпѣньемъ и трудомъ;
Я бѣденъ, а ищу прохлады межъ древами,
 Ложась надъ зеркальнымъ ручьемъ.
 Да сгннуть Азіи богатой
 И перлы крупные и злато:
75 Мнѣ ль *Делию* отставить для него?
Пусть черпаетъ изъ нѣдръ источника того.
Месалла, вождь, прославленный молвою;
Пусть онъ триумфъ стяжавшею рукою;
У вратъ торжественныхъ чертога своего
80 Развѣситъ на показъ добычи многоцѣнны;
А я живу, молодой красой поработенный,
 Мнѣ бѣ видѣть лишь ее,
Моя вся слава въ томъ, все счастье мое;
Пускай другихъ вѣнца побѣда удостоить,
85 Побѣдный лавръ моей безвѣстности не стоить.
 Долиною во слѣдъ шаговъ твоихъ
 Я погоню съ зарею стадо;
Постель мнѣ мурава – и этой сердце радо,
Лишь толькобъ ты была въ объятіяхъ моихъ!
90 Намъ ложе пышное не радость,
 Не въ немъ ночей тaitся сладость.
 Роскошный домъ къ чему,
 Когда безъ сна, въ слезахъ потопли очи,
Когда невѣрная не къ намъ во мракъ ночи,
95 Спѣшитъ къ сопернику, неся любовь ему.
Какъ можно безъ любви снестъ время жизни нашей?
Уже ли торжество

- Средь Капитолія, для взора будешь краше,
Тебя, цвѣтущее *Тибулла* божество!
- 100 И въ свой послѣдній часъ и гаснущей зеницей
Еще тебя искать,
Твою пытаться руку сжать
Хладѣющей десницей.
- Предстанешь, *Делія*, ты предъ моимъ костромъ,
105 Подъ ризой горести, покровъ влача могильный,
О другъ сѣтовать своемъ,
Надъ нимъ токъ слезъ пролить обильный
И юноша съ подругою молодой
Узрѣвъ, какъ пепель мой тогда любовь почтила,
110 Ланиты оросятъ дрожащею слезой
И будетъ чувство ихъ и сладко и уныло.....
Но не обрѣзывай густыхъ своихъ кудрей,
Не безобразъ ты, красоты мнѣ милой
Отчаянной рукой своей.
- 115 Похитимъ, милая, у *Парки* непреклонной
Минуту счастья и умѣхъ.
Уносить время все, уносить время всехъ.
Предстанетъ смерть, покровъ набросить черной
На наши игры и любовь.
- 120 *Кронъ* быстрый не щадить ни прелести, ни силы;
И, отлетѣвъ, *Амуръ* не прилетаетъ вновь;
Непостоянныя онъ не покоить крылы
На бѣлыхъ волосахъ. Еще близъ красоты
Оставленное мнѣ отъ неба сохраняя,
125 Живу я для любви, сокровищъ не алкая,
И не страшася нищеты.
- Л.

(*) Сей новый переводъ лучей изъ *Тибулловыхъ* Элегий, свидѣтельствуетъ о быстромъ усовершенствованіи Россійскаго Слова. Превжній, *И. И. Дмитриева*, сдѣланъ съ Французскаго, нынѣшній съ Латинскаго. Это уже важное преимущество нашего

времени: теперь наши соотечественники почти не смѣютъ предлагать Публикѣ стихотворныхъ преложений не съ подлинника. Не смотря на большое дарование, тонкое знание языка и образованный вкусъ, знаменитый Ветеранъ. Поэтъ заплатилъ дань своему вѣку. Напримѣръ: *Душисты рву цвѣты, иль въ мрачну, бурну ночь, дика степь, сердце у тебя не каменно, и пр. и пр.*

А предъ тобой всегда, Церера златовласа,
Я вѣшаю вѣнокъ, сплетенный мной изъ класа. –
Любимаго изъ нихъ закланію предамъ,
Простѣйшій былъ сосудъ, изъ глины сотворенный. –
Пребудъ лишь ты въ моихъ, о Делія! глазахъ. –
Вздохнешь – и на твоей груди *испуститъ духъ.*

Мы бы могли насчитать еще много неисправностей, перестановокъ, неровностей въ слогѣ; но ограничимся, сдѣланными выше сего выписками. Переводовъ Господина Л., нравится гладкостью языка, опрятностью слога, плавностью стиховъ; но это не есть особенное достоинство новаго Переводчика; нынѣ всѣ пишутъ гладко, чисто и ровно. Близость, вѣрность, сила, простота – вотъ его существенныя достоинства. В.

28. Kireev, Aleksandr D.

К Неэре. (1829)

Къ Неэръ.

Quid prodest cœlum votis implesse, Neaera,
Blandaque cum multa thura dedisse prece?

Tibul. Eleg. 3. Lib. III.

- Почто обътами обременять боговъ,
И, тучный фиміамъ куря предъ алтарями,
Просить у нихъ себѣ великолѣпный кровъ,
Гдѣ-бъ мраморный помость я попираль ногами?
5 Зачѣмъ просить у нихъ, чтобы поля мои
Всегда обильныя мнѣ жатвы приносили?
Привыкъ я умѣрять желанія свои:
Лишь объ одномъ я ихъ молю, чтобы судили
До старости дожить, Неэра, мнѣ съ товой,
10 И чтобы въ послѣдній часъ, въ сей часъ уничтоженья,
Съ тобой простясь на вѣкъ, и челнъ мой роковой
Направилъ безъ тебя къ брегамъ рѣки забвенья.
Что пользы мнѣ имѣть сокровищей соборъ,
Отягощать воловъ бесплодными трудами?
15 Къ чему мнѣ пышный домъ, гдѣ-бы встрѣчалъ мой взоръ
Подъѣздъ, украшенный Тенарскими столбами?
На что сады, къ чему тѣнистыхъ рощей видъ,
Изображеніе лѣсовъ густыхъ, священныхъ?
Ни мраморъ, ни порфиръ меня не усладить,
20 Ни прелесть дивная корнизовъ позлащенныхъ.
На что мнѣ перлы, дань Эритейскихъ береговъ,
И шерсть, упитанна Сидонской червленицей?
Дивится чернь красѣ и блеску сихъ даровъ,
Но зависть слѣдуетъ владѣльца за гробницей...

25 Неэра! при тебѣ и бѣдности я радъ,
А безъ тебя царей сокровищъ не желаю.
Настань, приди скорѣй, о день моихъ отрадъ,
Свиданья день! тебя съ восторгомъ ожидаю.
Но ежели Амуръ, не внявъ мольбѣ моей,
30 Обѣты презреть всѣ и не свершить желанье,
Тогда всѣ почести, тогда вѣнцы царей,
Пактола золото мнѣ скудно воздаянье.
Пусть ищетъ ихъ другой; мнѣ-жь благо на земли
Съ тобою вмѣстѣ жить въ смиренной самой долѣ.
35 Юнона! искреннимъ мольбамъ моимъ внемли,
Услышь покорнаго твоей могущей волѣ.
Когда-же Парками мнѣ воспрещенъ возвратъ,
Тогда пусть Оркъ туда скорѣе призываетъ,
Гдѣ воды скованны недвижимо стоятъ,
40 Гдѣ вѣчный мракъ, куда лучъ дня не достигаетъ.

А. Киреевъ

29. Lermontov, Michail Ju.

К Нэере (1831)

К Нэере

Скажи, для чего перед нами
Ты в кудри вплетаешь цветы?
Себя ли украсишь ты розой
Прелестной, минутной как ты?
5 Зачем приводить нам на память,
 Что могут ланиты твои
 Увянуть; что взор твой забудет
 Восторги надежд и любви?
 Дивлюсь я тебе: равнодушно,
10 Беспечно ты смотришь вперед;
 Смеешься над временем, будто
 Нэеру оно обойдет.
 Ужель ты безумным весельем
 Прогнать только хочешь порой
15 Грядущего тени? ужели
 Чужда ты веселью душой?
 Пять лет протекут: ни лобзаньем,
 Ни сладкой улыбкою глаз
 К себе на душистое ложе
20 Опять не заманишь ты нас.
 О, лучше умри поскорее,
 Чтоб юный красавец сказал:
 «Кто был этой девы милее?

30. Fet, Afanasij A.

„Pitomec radosti, pokornyj naslažden’ju ...“ (1847)

- Питомец радости, покорный наслажденью,
Зачем, коварный друг, не внемля приглашенью,
Ты наш вечерний пир вчера не посетил?
Хозяин ласковый к обеду пригласил
- 5 В беседку, где кругом, не заслоня сада,
Полувоздушная обстала колоннада.
Диана полная, глядя между ветвей,
Благословляла стол улыбкою своей,
И явства сочные с их паром благовонным,
- 10 Отраднo-лакомым гулякам утонченным,
И – отчих кладовых старинное добро –
Широкодонных чаш литое серебро.
А ветерок ночной, по фитилям порхая,
Качал слегка огни, нам лица освежая.
- 15 Зачем ты не сидел меж нами у стола?
Тут в розовом венке и Лидия была,
И Пирра смуглая, и Цинтия живая,
И, ученица муз, Неэра молодая,
Как Сафо, страстная, пугливая, как лань...
- 20 О друг! я чувствую, я заплачу ей дань
Любви мечтательной, тоскливой, безотрадной...
Я наливал вчера рукою беспощадной, –
Но вспоминал тебя, и, знаю, вполпьяна
Мешал в заздравиях я ваши имена.

3 (I,1). *Delija. Venok Élegij. (1886)*

Періодъ второй.

3 (I,1). Делія.

Вѣнокъ Элегій.

Желтымъ золотомъ пусть себѣ собираетъ богатство
И распашныхъ десятиныхъ многихъ владѣть землей
Тотъ, кого близость врага пугаетъ трудомъ непрестаннымъ,³⁾
И воинской тубой чей разгоняется сонъ.

5. Пусть моя бѣдность меня провожаетъ по жизни безпечной,
Лишь бы свѣтился очагъ мой непрерывнымъ огнемъ:
*Самъ я нѣжныхъ лозъ насажу въ подходящее время,
Какъ селянинъ и большихъ яблонъ привычной рукой,*
Пусть не обманетъ меня Надежда, а все мнѣ даруетъ
Кучи плодовъ и густымъ мустомъ наполненный чанъ.
Ибо почтенья я полонъ, коль пень одинокій средь поля⁹⁾
10. Иль на распутьи цвѣтнымъ камень украшенъ вѣнкомъ;
И какихъ бы плодовъ мнѣ новый годъ не доставилъ,
Сельскому богу изъ нихъ посвященье кладутъ.
Русой Церерѣ привѣтъ! Тебѣ мы съ нашего поля
Изъ колосевъ вѣнокъ въ храмѣ повѣсимъ къ дверямъ,
15. А плодовыхъ садовъ пускай одаряется сторожъ
Красный Пріапъ, чтобъ косою грозною птицъ онъ пугаль.
Наконецъ то и мнѣ возможно, довольствуясь жизнью
Небогатой, не все къ дальнимъ стремиться путямъ,
Но избѣгать приближенія жаркихъ каникулъ подъ тѣнью
20. Деревъ у береговъ мимо бѣгущей воды.
Между тѣмъ и кирку брать въ руки стыдиться не стану
Или стрекаломъ скорѣй гнать неprovорныхъ воловъ,
Не полѣнюсь и ягненка за пазухой или козленка,
Что забывчиво мать бросила, къ дому снести.
25. Здѣсь я пастырь овецъ своихъ освящаю годично
И молоко возліять мирной Палесѣ привыкъ²⁶⁾.

- Вы же стражи когда то богатаго, бѣднаго нынѣ ²⁷⁾
Поля примите и вы, Лары, подарки свои!
Прежде закланная телка несчетныхъ коровъ выкупала,
30. Нынѣ полей небольшихъ жертвой великой овца.
Мы вамъ приносимъ овцу, и въ кругъ ея сельская юность
Пусть восклицаетъ: «Намъ жатвъ, добраго дайте вина!»
Помогите-же боги! Не презирайте даровъ вы
Съ бѣдной трапезы, ни чаръ чистыхъ изъ глины одной.
35. Древній изъ глины себѣ лѣпилъ селянинъ поначалу
Кружки, изъ глины сырой онъ вырабатывалъ ихъ.
Не отыскиваю отцовскихъ богатствъ и плодовъ я
Тѣхъ, что жатва несла древнему дѣду въ лари;
Малому сѣву я радъ, я радъ, что покоиться можно
40. На кровати, ложась въ ту-же постель отдохнуть.
Какъ отрадно лежать, внимая свирѣпостямъ вѣтра,
И на юной груди милую нѣжно держать!
Или какъ Австеръ зимой польетъ холодною влагой ⁴³⁾,
Безопасно искать сновъ при пособьи дождя!
45. Этого мнѣ бы въ удѣль; пусть будетъ богатъ по заслугамъ,
Кто можетъ злобу морей вынести и скуку дождей.
О сколько золота есть, да сгинетъ, да сгинуть смарагды,
Прежде чѣмъ нашъ бы отъѣздъ дѣвѣ оплакать пришлось.
Кстати, Мессалла, тебѣ воевать на землѣ и на морѣ,
50. Чтобы доспѣхами былъ вражьими убранъ твой домъ.
Плѣннымъ держать меня оковы красавицы дѣвы,
И сижу я какъ стражъ у неприступныхъ дверей.
Не ищу я похвалъ, моя Делія! лишь бы съ тобою
Былъ я, ничуть не боюсь вялымъ, лѣнивымъ прослыть.
55. Лишь бы глядѣть на тебя, какъ часъ мой послѣдній настанетъ,
И, умирая, къ тебѣ слабнущей жаться рукой.
Будешь, ты Делія! плакать, увидя мой одръ предъ сожженьемъ,
Горькихъ прибавишь ты слезъ, мнѣ поцѣлуй даря.
Будешь ты плакать; вѣдь грудь у тебя же не твердымъ желѣзомъ
60. Скована, въ сердцѣ твоёмъ нѣжномъ не камень засѣлъ,

- Юноша съ тѣхъ похоронъ тогда ни единый, ни двѣ
 Глазъ сухихъ унести будетъ не въ силахъ домой.
 Ты же тѣни моей не тревожь; а щади распущенный
 Волосъ и пощади, Делія, нѣжность ланить ⁶⁴).
65. А покуда судьба дозволяетъ, любовь сочетаемъ.
 Смерть ужъ навѣрно придетъ, мракомъ увивши чело.
 Уже подкрадется вѣкъ, когда ни любить неприлично,
 Ни съ головою сѣдой нѣжныя ласки твердить.
 Нынѣ легкой Венерѣ служить подобаеть, покуда
70. Двери не стыдно ломать, весело ссоры водить.
 Тутъ хорошій я вождь и солдатъ; вы трубы, знамена
 Прочъ, вы раны свои жаднымъ несите мужамъ,
 И богатства несите; я же, свой ворохъ собравши ⁷³),
 Сверху на всѣхъ богачей, сверху на голодь гляжу.

3 (I,1). *Делія*. Слѣдующія 5 элегій, тѣсно связанныхъ между собою, представляютъ прелестный поэтическій вѣнокъ въ честь первой привязанности Тибулла, Деліи.

3) Кто живетъ подъ непрестаннымъ страхомъ вражескаго наступленія, общающаго ему много трудовъ и напасти.

7) Эти два стиха 7 и 8 переведены нами потому, что стоятъ на этомъ мѣстѣ во всѣхъ изданіяхъ, но совершенно пропущены въ текстѣ Фабриціуса, котораго мы старались держаться въ нашемъ переводѣ. Всякій убѣдится, что они только мѣшаютъ теченію мысли и носятъ признаки разыгравшейся фантазіи переписчика.

9) Я стою награды сельскими произведеніями, ибо я самъ исполненъ почтенія къ сельскимъ богамъ, даже въ самыхъ незначительныхъ ихъ проявленіяхъ. Сельскіе жители приносили богамъ на перекресткахъ и распутіяхъ (*compitis ac triviis*) сельскія жертвы. Въ этомъ смыслѣ одинокій священный пенъ или камень на распутіи украшался вѣнкомъ.

26) *Палеса* исключительно Римская сельская богиня, покровительница пасущихся стадъ.

27) Поэтъ обзываетъ поле свое богатымъ при его отцѣ и предкахъ до раздѣленія полей 713 г. отъ о. Р. и бѣднымъ по раздѣленіи, вслѣдствіе котораго онъ утратилъ большую часть своего состоянія.

30) Вслѣдствіе чего даже жертва овцы для него велика.

40) Не такъ, какъ воинъ, которвй не знаетъ, гдѣ будетъ ночевать.

43) Когда дождливый южный вѣтеръ нанесетъ холоду.

64) Вырываніе волосъ и царваніе лица часто исполнялось при погребеніяхъ, а для наемныхъ плакальщицъ было даже обязательно.

73) *Acervo* – буквально ворохъ, такъ какъ, обмолоченный съ поля и насыпанный ворохомъ, хлѣбъ представляетъ единственное и самое непосредственное обезпеченіе земледѣльца.

Alphabetisches Verzeichnis der Primärquellen

- Anastasevič, Vasilij G.: *Ėlegija I Albija Tibulla*, in: *Licej*, Č. 3, Kn. 1, St. Peterburg 1806, S. 9-14.
- Anonym: *Vtoraja Ėlegija Tibulla. Perevod s latinskogo*, in: *Drug prosveščeniya. Žurnal literatury, nauk i chudožestv*, Č. 5, Moskva 1805, S. 111-114.
- Anonym: *Per'vaja Ėlegija Tibulla*, in: *Drug prosveščeniya. Žurnal literatury, nauk i chudožestv*, Č. 7, Moskva 1806, S. 29-33.
- Batjuškov, Konstantin N.: *Ėlegija iz Tibulla. Vol'nyj perevod*, in: *Vestnik Evropy*, Č. 87, № 12/Ijun', Sankt Peterburg 1816, S. 255-261.
- Batjuškov, Konstantin N.: *Tibullova Elegija. IIIja iz IIIj knigi*, in: *Vestnik Evropy*, Č. 48, № 23/Dekabr', Sankt Peterburg 1809, S. 198-199.
- Batjuškov, Konstantin N.: *XI Tibullova Ėlegija iz I knigi (Vol'nyj perevod)*, in: *Vestnik Evropy*, Č. 50, № 8/Aprel'ja, Sankt Peterburg 1810, S. 277-280.
- Batjuškov, Konstantin N.: *Ėlizij*, in: ders.: *Polnoe sobranie stichotvorenij*, Moskva-Leningrad 1964, S. 116-117.
- Batjuškov, Konstantin N.: *Polednjaja vesna*, in: ders.: *Polnoe sobranie stichotvorenij*, Moskva-Leningrad 1964, S. 190-191.
- Blank, Boris K.: *Podražanie pervoj Tibullovoj Ėlegii*, in: *Aglaja*, Moskva 1808, S. 3-11.
- Boratynskij, Evgenij A.: „*Čtob'' očarovyvat' serdca, ...*“, in: ders.: *Polnoe sobranie sočinenij i pisem*, Tom 1 Stichotvorenija 1818 – 1822 godov, Moskva 2002, S. 214-215.
- Boratynskij, Evgenij A.: „*Začem, o Delja! Serdca mladyya ty...*“, in: ders.: *Polnoe sobranie sočinenij i pisem*, Tom 1 Stichotvorenija 1818 – 1822 godov, Moskva 2002, S. 266.
- Boratynskij, Evgenij A.: „*Ja bezrazsuden'' – i ne divo!...*“, in: ders.: *Polnoe sobranie sočinenij i pisem*, Tom 1 Stichotvorenija 1818 – 1822 godov, Moskva 2002, S. 256-257.
- Del'vig, Anton A.: *K ptičke, vypuščennoj na volju*, in: ders.: *Polnoe sobranie stichotvorenij*, Leningrad 1959, S. 171.
- Dmitriev, Ivan I.: *Podražanie Pervoj Tibullovoj Ėlegii*, in: *Prijatnoe i poleznoe preprovoždenie vremeni*, Č. 8, Moskva 1795, S. 8-12.
- Dmitriev, Ivan I.: *Trissotin i Vadius*, in: ders.: *Polnoe sobranie stichotvorenij*, Leningrad 1967, S. 146-149.
- Dmitriev, Ivan I.: *Čužoj tolk*, in: ders.: *Polnoe sobranie stichotvorenij*, Leningrad 1967, S. 113-116.

- Fet, Afanasij A.: „*Pitomec radosti, pokornyj naslažden'ju ...*“, in: ders.: *Sočinenija v dvuch tomach*, Tom 1 Stichotvorenija. Poëmy. Perevody, Moskva 1982, S. 166-167.
- Fet, Afanasij A.: 3 (I,1). *Delija. Venok Èlegij.*, in: ders.: *Èlegii Tibulla. V perevode i s ob'jasnenijami A. Feta*, Moskva 1886, S. 9-12.
- Goleniščev-Kutuzov, Pavel I.: *Tretija Èlegija Tibulla*, in: *Sobranie ruskich stichotvorenij, vzjatych iz lučšich Rossijskich stichotvorcev, Dopolnenie k izdaniju G. Žukovskogo*, Č. 6, Moskva 1815, S. 296-299.
- Kireev, Aleksandr D.: *K Neëre*, in: *Moskovskij Telegraf*, Č. 27, № 12/Ijun', Moskva 1829, S. 452-453.
- Kjuchel'beker, Vil'gel'm K.: *Zakup*, in: ders.: *Izbrannye proizvedenija v dvuch tomach*, Tom 1, Moskva-Leningrad 1967, S. 182-183.
- L.: *Tibullova èlegija*, in: *Slavjanin*, Č. 5, № 11, Sankt Peterburg 1827, S. 424-428.
- Lermontov, Michail Ju.: *K Neëre*, in: ders.: *Sočinenija v šesti tomach*, Tom 1 Stichotvorenija 1828-1831, Moskva/Leningrad 1954, S. 145.
- Mežakov, Pavel A.: *Èlegija. Podražanie Tibullu*, in: ders.: *Uedinennyj pevec*, Sankt Peterburg 1817, S. 71-77.
- Merzljakov, Aleksej F.: *K Delii*, in: ders.: *Podražanija i perevody iz grečeskich i latinskich stichotvorcev*, Č. 2, Moskva 1826, S. 273-277.
- Merzljakov, Aleksej F.: *Osvjaščenie polej*, in: ders.: *Podražanija i perevody iz grečeskich i latinskich stichotvorcev*, Č. 2, Moskva 1826, S. 278-283.
- Milonov, Michail V.: *Vesna Tibulla*, in: *Sankt-Peterburgskij Vestnik*, Č. 2, № 6/Ijun', St. Peterburg 1812, S. 264-265.
- Milonov, Michail V.: *K Neëre (Podražanie tret'ej Tibullovoj Èlegii)*, in: *Sankt-Peterburgskij Vestnik*, Č. 1, № 2/Fevral', St. Peterburg 1812, S. 164-165.
- N. N.: *Stichi. Podražanie Tibullu*, in: *Moskovskij kur'er*, Moskva 1806, S. 33-35.
- Olin, Valer'jan N.: *Tibullova Èlegija (Vol'nyj perevod)*, in: *Žurnal drevnej i novoj slovesnosti*, № 1, Č. 1, Kn. 1, Sankt Peterburg 1818, S. 18-20.
- Panaev, Vladimir I.: „*Ty govoriš', Kal'purnyj milyj, ...*“, in: Vacuro, Vadim È. (Hg.): *S. D. P. Iz istorii literaturnogo byta puškinskij pory*, Moskva 1989, S. 157-158.
- Puškin, Aleksandr S.: *Delia*, in: ders.: *Stichotvorenija liceijskich let 1813 – 1817*, Sankt-Peterburg 1994, S. 268.
- Puškin, Aleksandr S.: *Batjuškovu*, in: ders.: *Stichotvorenija liceijskich let 1813 – 1817*, Sankt-Peterburg 1994, S. 92.

- Puškin, Aleksandr S.: *Š*<i>iško>vu**, in: ders.: *Stichotvorenija licejskich let 1813 – 1817*, Sankt-Peterburg 1994, S. 207-208.
- Puškin, Aleksandr S.: *K Delii*, in: ders.: *Stichotvorenija licejskich let 1813 – 1817*, Sankt-Peterburg 1994, S. 275.
- Puškin, Aleksandr S.: „*Ljubov' odna – vesel'e žizni chladnoj*“, in: ders.: *Stichotvorenija licejskich let 1813 – 1817*, Sankt-Peterburg 1994, S. 222-223.
- Puškin, Aleksandr S.: *K ***, in: ders.: *Polnoe sobranie sočinenij*, Tom 3,1 *Stichotvorenija 1826-1836*, Skazki, Tokyo 1977, S. 45.
- Puškin, Aleksandr S.: *Drugie redakcii i varianty*, in: ders.: *Polnoe sobranie sočinenij*, Tom 6 *Evgenij Onegin*, Tokyo 1977 (= Moskva 1937), S. 220.
- Ryleev, Kondratij F.: *Žestokoj*, in: ders.: *Polnoe sobranie stichotvorenij*, Leningrad 1971, S. 64.
- Ryleev, Kondratij F.: *Toska*, in: ders.: *Polnoe sobranie stichotvorenij*, Leningrad 1971, S. 303-305.
- Ryleev, Kondratij F.: *K Delii*, in: *Nevskij zritel'. Ežemesjačnoe izdanie*, Č. 4, Dekabr', Sanktpeterburg 1820, S. 207-208.
- Ryleev, Kondratij F.: *K Delii. Podražanie Tibullu*, in: *Blagonamerennyj*, Ijul' № XIII, Sanktpeterburg 1820, S. 50-52.
- Tolstoj, Jakov N.: *Tibullova Élegija. Iz Ij knigi, vol'nyj perevod*, in: *Žurnal drevnej i novoj slovesnosti*, Č. 3, № 9, Sankt Peterburg 1818, S. 22-25.
- Vjazemskij, Petr A.: *Biblioteka*, in: ders.: *Sočinenija v dvuch tomach, Tom pervyj, Stichotvorenija*, Moskva 1982, S. 162-165.
- Vjazemskij, Petr A.: „*Veselyj šum, pen'ë i smeči*“, in: ders.: *Stichotvorenija*, Leningrad 1958, S. 399-401.
- Vjazemskij, Petr A.: *K Batjuškovu*, in: ders.: *Stichotvorenija*, Leningrad 1958, S. 86-90.
- Vjazemskij, Petr A.: *K podruge*, in: ders.: *Stichotvorenija*, Leningrad 1958, S. 75-79.
- Žukovskij, Vasilij A.: *K Tibullu. Na prošedšij vek*, in: ders.: *Polnoe sobranie stichotvorenij i pisem*, Tom 1 *Stichotvorenija 1797-1814 godov*, Moskva 1999, S. 37-38.